

845237
M12 → а5

БИБЛИОТЕКА
КАЗАХСКОЙ
ПРОЗЫ

Мухтар
МАГАУИН

Гибель
борзого

Мухтар
МАГАУИН

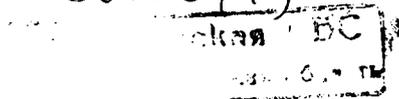
Гибель
борзого

Повесть

Перевод Ю. Герта

-36155(1)

ББК 84 Каз 7-44
М 12

ВЫПУЩЕНА ПО ПРОГРАММЕ МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ,
ИНФОРМАЦИИ И ОБЩЕСТВЕННОГО СОГЛАСИЯ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Мағауин Мұхтар.

М 12 Гибель борзого. Повесть.

Астана: Аударма, 2003 - 80 стр.

ISBN 9965-18-071-7

В мировой литературе немало произведений, посвященных отношениям человека с верным другом — собакой. Эти отношения раскрывают сложную взаимосвязь живых существ, умеющих понять друг друга и помочь друг другу в самых сложных ситуациях. Эта удивительная верность восхищает и трогает сердце, не случайно она воспета многими писателями, чьи произведения входят в ряд шедевров литературы. И среди них по праву может быть названа талантливая повесть известного писателя Мухтара Мағауина “Гибель борзого”, выходящая в серии “Библиотека казахской прозы”.

М $\frac{4702250201-76}{00 (05)-03}$

ББК 84 Каз 7-44

ISBN 9965-18-071-7

© Издательство «Аударма», 2003
© ООХКГ Казахстана, В. Логинов

1

Под конец он совсем обессилен. И все-таки дважды — сначала с одной стороны, потом с другой — подобрался к холмику, волоча по земле истощенное, налитое болью тело и каждый раз приюхиваясь заново. Холмик был пологий, оглаженный с боков степными ветрами и припорошенный свежим, нетронутой белизны снегом. Белый, безмолвный холмик... Веяло от него горьким одиночеством и тоской. Летом, когда он был еще рыхлым, здесь и пахло иначе. Что-то знакомое, доброе чуялось в том запахе, — так, по крайней мере, борзому казалось. В ту пору он прибегал сюда часто. И все бродил вокруг, тычась носом в желтоватую, перемешанную с мелкими камешками землю. Запах, который он выделял, был слаб и смутен. Запах — не из приятных. Так же пахло от лис дня через два-три после того, как содрав шкуру, их забрасывали в степь, подальше от жилья. В смердящих лисьих тушках копошились червячки, муравьи, жирные, ленивые мухи... Тазы¹ был брезглив, тот запах вызывал в нем тошноту.

Но здесь, у холмика, он ощущал другое. К запаху гниющего мяса примешивался явно улав-

¹ Т а з ы — казахская борзая.

ливаемый чуткими ноздрями запах хозяина. Он лежит в этой земле! Трудно представить, но это так. Он знает, он видел все своими глазами...

Борзой почувствовал облегчение. Хозяин тут, рядом... И вот-вот проснется. Быть может, завтра. Сколько ему еще лежать?.. Но надежда, почти уверенность, сменилась тревогой. Вдруг он уже встал и ушел? И сидит дома, как раньше?.. Нет. Снег выпал только нынешней ночью, на нем не видно никаких следов. Значит, он здесь.

Напрягшись всем телом, борзой принялся здоровой лапой разгребать холмик у основания. Под слоем пушистого снега показалась земля. Не податливая, сырая, исходящая густым и теплым живым духом, а застарелая, твердая, какая бывает у входа в опустевшие звериные норы. Слежалась, вымерзла и сделалась, как камень. Когти ее не брали, только царапали. Борзой остановился, замер, всматриваясь в продолговатый холмик. Холодный. Недвижимый. Похожий на черный валун, вросший в землю... Нет, не похожий. Там, в глубине, лежит хозяин. Его хозяин лежит под этим холмиком!

Он повернул голову, бросил взгляд в низину. На овраг, заросший кустарником. У его начала, в узкой расщелине, летом бьет ледяная родниковая струя. Зеленой травой покрывается тогда дно раскидистого оврага, такой высокой, что едва виднеются в ней спины жеребят-стригунков. Но сейчас и овраг, и то место над ним, где становится на летовку аул, — все наглухо замело снегом. Только в небольшой, защищенной от ветра ложине

темнеет покосившаяся стена — все, что сохранилось от старого становища. Когда в последний раз аул готовился к откочевке, под этой стенкой остался лежать больной барашек, покрытый коротенькой реденькой шерсткой. Остался лежать и больше не встал. И уже никогда не встанет. Не захрустит молодой сочной травой, не напьется из родника прозрачной воды. Там, где лежал он, теперь белеют лишь тонкие, не успевшие окрепнуть косточки...

Это было как молния, как удар камчи. Тайна, недостижимая прежде, открылась борзому. Она была до того чудовищна, что уши у него поднялись торчком и он застыл, неподвижно уставясь на холмик. Только спустя время, нужное для того, чтобы разгрызть большую берцовую кость, борзой очнулся, пришел в себя. Но тут все суставы у него расслабились и размякли, а тело зашло в мелкой дрожи. В горле пересохло, дыбом поднялась на спине шерсть, по затылку разбежались мурашки. Он присел на задние лапы, задрал морду к небу. Пасть раскрылась сама собой, и тяжелый, протяжный звук вырвался из глотки. Степное безмолвие пронзил взмывший над землей стон.

И был этот стон, этот жалобный плач о невозвратном страшен и нескончаем...

2

Как светел мир! Как просторен! А небо — до чего же оно красивое, высокое! А солнце!.. Конечно, берегись на него смотреть прямо, и все

равно — какое оно теплое, ласковое!.. Белый щенок, сидевший под стенкой сарая, на припеке, не выдержал и заскулил от удовольствия. Ему здесь так сухо, так мягко — под ним пучок соломы с ошметками засохшего конского навоза... Какая благодать!

Поблизости — лужица, наполненная талой водой. Желтая лужица, желтая вода... Щенок поднялся, подошел, осторожно лакнул — раз, другой. Вкус у воды солоноватый, неприятный, и припахивает она скверно — скотским пометом. Щенок фыркнул. Нет, пить эту воду нельзя. Он уже усвоил: все вещи делятся на те, которые можно есть или пить, и те, которые для этого непригодны. Таких непригодных гораздо больше, к сожалению.

Впрочем, огорчение было коротким. Щенок запрыгал по рыхлому снегу. Снег потемнел, покрылся сверху мусором и копотью, лапы в нем глубоко проваливались, и вода тотчас набегала в ямки следов. Но по их краям горячо искрились ледяные крупинки. Есть их было нельзя, но лизать можно. Вкуса у них, однако, не было никакого, и они холодили язык. Щенок отвернулся. Он был сыт — перед тем, как выпустить во двор, его досыта напоили молоком.

А между тем прежнее место под стеной сарая, где он грелся на солнышке, успела захватить пестрая курица со своим суетливым семейством. И вовсю квохчет, шебуршит соломой, разгребает сор. Цыплята ее, желтенькие, взъерошенные, носятся, попискивая, туда и сюда, ныряют матери под

ноги. Стоит ей подать знак — и они гурьбой бегут на зов, обгоняя и расталкивая друг друга: “Давай! Давай! Мне, мне!” Мгновение — и стайка круглых комочков рассыпается. Но вновь раздается: “Нашла, нашла!” — и цыплята, спотыкаясь и падая, устремляются к матери. Интересно за ними, потешными, наблюдать... А играть с ними, верно, еще интересней...

Завиляв коротким хвостом, щенок дружелюбно тьякнул и, зарываясь по грудь в рыхлый снег, спустился с сугроба. Но курица тут же подняла тревогу: “Спасайся, спасайся!” Цыплята, беспечно сновавшие вокруг, метнулись к пеструшке, под ее защиту. Курица воинственно растопырила крылья: “Кет! Кет! Прочь, паршивый щенок!” — закудаhtала она.

Вот тебе и раз!.. Щенок опешил. Какой-то цыпленок высунул было черный клювик, но тут же исчез под раздувшимися перьями. Ну и ну... Щенок все-таки сделал два или три нерешительных шага, опустился на землю, прилег, потявквал, потом поднялся и снова потявквал. Курица в ответ рассердилась не на шутку. Похоже, она уже не намерена была ограничиваться одним “Кет! Кет!”, а изготовилась к нападению. Щенок вконец растерялся, но неожиданно, из духа противоречия, что ли, шагнул вперед. Курица, грозная, с распушенными крыльями, поднялась ему навстречу. Казалось, вот-вот она ринется на щенка... Но вместо этого пеструшка внезапно повернулась к нему хвостом и не спеша, сохраняя достоинство,

двинулась за сарай, квохча свое “Кет! Кет!”.
цыплята с нею...

Шенок, опечаленный тем, что не довело порезвиться, отвести душу, гоняясь напереголки, тоже повернулся и одиноко побрел на окраину аула.

Земля еще не успела подсохнуть. В ложбинах и впадинах поблескивают и дымятся легким парком голубые лужицы. В густых зарослях таволги белеют лоскутья снега, но все вокруг преобразилось, приняло какой-то новый, удивительный облик. Совсем недавно все выглядело здесь так уныло и хмуро, а сейчас озарилось улыбкой и радуется, спешит напиться золотистого сока солнечных лучей. Воздух благоухает живительным ароматом. Откуда он, этот сладкий запах?..

Шенок уловил, что источает его та низкорослая травка, с тонким стебельком и пушистой шапочкой, которую он топчет. Он опустил морду и ткнулся носом в запашистую травку. Вряд ли ее можно есть, но нюхать — приятно... А вокруг — нежные и упругие стебли, выпирающие из сырой глубины пучками, и каждый пахнет на свой лад. С особенным удовольствием принюхивался щенок к тугим стрелкам ковыля, растущего тут в изобилии. Какой запах!.. Непонятная радость охватила все щенячье существо, и он с наслаждением вывалился в мягкой, ласковой зелени. Затем, растопырив лапы и вытянувшись, улегся, подставил солнцу брюшко.

Улегся, пригрелся, задремал и увидел сон. Будто перед ним стоит желтый цыпленок и попис-

кивает, приглашая поиграть. Маленький такой птенчик... Разумеется, он ответил веселым лаем, и вот уже оба носятся друг за другом. До чего же, однако, быстроногий цыпленок! Его не догнать... Но щенок не отстает, бежит за улепетывающим желтым комочком — только ветер в ушах посвистывает. И наконец — настигает. Сейчас он схватит его — крохотного, пушистого. Он запросто уместится в пасти. Ведь цыпленок — это как раз то, что годится для еды... Какое неожиданное открытие! Да, да, цыпленок годится для еды!.. Но внезапно желтый комочек останавливается у щенка прямо перед носом. Бесстрашный, не желающий уступать. “Р-р-р!— вырывается у цыпленка.— Теперь-р-рь твой чер-р-ред удир-р-рать!”

Вздрогнув, щенок открывает глаза. Над ним навис громадный пес, черная, ощерившая пасть дворняга. Щенок облизнулся как ни в чем не бывало, зевнул протяжно, потянулся. Потом потявкал тоненьким голосочком и стал подниматься. Но черный пес, наклонившийся над ним, повелит щенка снова на землю, а дальше... Щенок и понять ничего не успел. Тело его словно пламенем опалило, красно-зеленый туман за клубился в глазах, все вокруг закачалось.

— Эй, кет! Кет! Пошел!..

Отчаянный вопль слился с нарастающим конским топотом. Тяжесть, надавившая щенку на грудь, исчезла. Он почувал хозяина, который подошел так вовремя, и жалобно заскулил, заплакал. Хозяин торопливо спешил. И вот уже руки его подхватили щенка, подняли с земли... Но хотя

прикосновение этих рук было бережным, осторожным, словно копье вошло в дрожащее тельце и пронзило насквозь. Щенок снова заскулил, застонал, как если бы вновь очутился в пасти огромного черного пса.

Ведя коня в поводу, хозяин как прижал щенка к груди, так и донес до самого дома, и потом еще долго мучил, чем-то смазывая нестерпимо болевшие раны. Наконец он перебинтовал щенка и уложил на стоявшую в углу комнаты железную кровать, обтянутую по бокам сеткой. Те же руки теперь кормили щенка и по три-четыре раза в день выносили на свежий воздух. Остальное время щенок неподвижно лежал на постели. Здесь было мало места, чтобы подняться и пройти, а перескочить через сетку пока не хватило бы сил. Да ему и не хотелось...

Спустя две-три недели раны на теле щенка зажили, затянулись. Но сердце его страдало от раны, которую не залечить. Ему, разумеется, не дано было постичь, что на свете существуют несправедливость, жестокость, насилие, и, если над твоей головой нависнет несчастье, вся твоя правда, случается, не сумеет тебя защитить... Само собой, понять этого он не мог. Но отныне среди живого все незнакомое вызывало у него недоверие, а то и прямую враждебность.

3

Когда щенок выздоровел и вернулся к своей беззаботной жизни, в дом к хозяину приехал маль-

чик. Сорванцом он оказался отменным. Только-только спрыгнул с арбы, как тут же бросился к щенку. А тот уже научился делить всех людей на две части: на хозяев — к ним, кстати, относилась и женщина в длинной одежде, наполнявшая каждый день до краев его миску и хлопотавшая по дому, — и на посторонних, чужих. Щенок отскочил от мальчика, спрятался за хозяина. Но хозяин и не взглянул на щенка, зато мальчишку прижал к себе, крепко целуя... Высвободясь из его крепких объятий, мальчик снова потянулся к щенку. Как быть? Раз хозяин проявил такое расположение к мальчику, щенок не вправе от него бежать. Да и сам хозяин опустил на корточки, подбадривая: “Лашын¹. Лашын, иди к нам!”

Руки у мальчика оказались мягкими, ласковыми. Он обхватил щенка, приподнял и, приговаривая: “Песик мой, песик”, стал поглаживать по голове, по спине, потом приблизил свое лицо к мордочке, обросшей белой шерстью, и потянул носом, принюхался. На мать, пригнавшую кобылицу, для которой настало время дойки, он и внимания не обратил, хотя она еще издали, завидев его, кричала: “Адиль! Адильтай!..” Он прижал к груди щенка и побежал в дом.

В тот день к вечеру здесь собралось много людей. Тесно было за низким круглым столом, на котором висели горой свежие румяные баранки, и в глазах рябило от кусочков белого рафинада. Адиль посадил на колени Лашына и

¹ Л а ш ы н — сокол.

прикармливал то баурсаками, то сахаром. А в руг шумело застолье, довольные гости вели веселую беседу, попивая густейший темно-коричневый чай, заправленный верблюжьим молоком.

— Настоящий джигит вырос,— говорил аксакал Омар, с улыбкой глядя на Адила.— Долг лет ему, здоровья и счастья!

— Ну, Казы, на радостях тебе сорок дней справлять той,— подхватил рябой Есенжол, продавец, который и привез Адила.— Учителя сказали, твой Адиль — самый лучший из всех, кто первый класс закончил, а закончило целых двадцать пять человек. Он, сказали, задачки уже за второй и за третий класс решает, все учебники наизусть выучил. Теперь не станет больше приставать — мол, расскажи сказку... Сам все книги у тебя в Красной юрте перечитает до осени...

— В отца пошел... Как говорится, идущий предкам вослед и стрелы остро заточит...

— А я думаю, тут жашлуга шештиенки нашей Камийи,— встревает в общую беседу жена Есенжола, картавая Айсулу, которая к тому же набила баурсаками полный рот и, пережевывая, с трудом выговаривала каждое слово.— До чего шнойовишта... Глядите, школька кижяка во двойе у нее наготовлено... Ох, и кьелка она в хозяйстве, ох и кьепка...

— Помолчи, жена, ты свое потом скажешь, не мешай аксакалу...

— Ты шего это надо мной командуешь? Я у тебя вшегда как бельмо на гязу... Есси я дья тебя пьехая, пошши себе хоошую...

— Помолчи, говорю! Дай людям уважаемого человека послушать.

— Идущий предкам вослед и стрелы остро заточит, — повторил аксакал Омар, выдержав паузу. — Покойный Амир, отец Казы, был джигитом из джигитов. И борзые собаки у него водились отменные. Такие, что лису, словно вихрь, настигают, не борзые, а барсы. Е-е, другому не поверишь, пока сам не увидишь... Вот вы теперь весь скот высокопородным сделать хотите. Про скот судить не берусь, а охотничьи собаки у казахов и в давние времена были самых чистых кровей. У Мамая, к примеру, борзой был, по кличке Бескара. Сынок одного бая предложил за него пять кобыл с жеребятами, так ведь не поменялся, упрямец! А борзого с тех пор так и прозвали — Бескара¹, хотя у него раньше своя кличка была. Серый, помню, в темную полосу — просто тигр. Если скажу, что грудь ниже голени на неполный суйем² выпирала, — солгу, а если скажу, что на три пальца, — это уж точно. Такая была крутая, широкая, могучая грудь, что на брюхо не ложился, разве что бочком. Голова громадная, скулы крепкие. Ростом с Бескарой ни одна собака не могла сравниться. Верить или не верить — ваше дело, а только ведь и среди людей рождаются мудрецы, о которых слава идет из края в край, или батыры, которым страх неведом, как прочим смертным. Велик аллах! Вот и у зверей встреча-

¹Б е с к а р а — в значении “пять голов скота”.

²С у й е м — расстояние между вытянутыми большим и указательным пальцами.

ются такие, что с рождения отличаются от собратьев. Бескара был таким псом. Наши с Мамаем зимовки стояли рядом, так что я собственными глазами видел: за одну зиму Бескара тринадцать волков взял. Ну, а зайцам, лисам — и счету нет. Он и на архаров нередко выходил. Мамай потом серую борзую держал у себя, говорил, что от Бескары она. Дожила борзая до глубокой старости и подошла в год окончания войны, весной. Почуяла смерть и ушла неизвестно куда. Не зря говорят: "Хорошая собака не хочет, чтобы ее мертвой видели". Мамай несколько дней траур соблюдал. Иной человек умрет — по нему родня столько не горюет. Да и правду сказать, хоть и не Бескара, но борзая была что надо. Сейчас таких породистых не сыскать. Где уж там людям время найти, чтобы за собакой, как положено, ходить или птицу ловчую содержать.

— То-то и есть, — сказал Казы. — Кому же тогда скот государственный пасти, сено косить?.. — Кашель, рванувшись из глубины груди, перехватил ему дыхание. Казы не закончил фразы.

— Кому тогда водку пить?.. — подхватил Есенжол, и рябое лицо его сморщилось в мятой улыбке.

— Помойчал бы лучше! Никогда, видно, пьодавцом тебе хоошим не стать, — сказала Айсулу. — И что это за магазин, без гойкой-то водички, о гошподи?

— Вот и хорошо, что нет на столе этой дьявольщины. — Омар одобрительно кивнул Есенжолу. — Молодец, что не принес.

— Я бы принес,— усмехнулся Есенжол,— только вся кончилась, на базе нет ни бутылки. Район отстающий, говорят, по старинке живете, а в культуре тоже толк понимать начинаете... Раньше одного ящика нашему аулу на целую зиму хватало. Кроме нас двоих, меня да завфермой, никто не пригубливал. Ну, а той осенью взял я три ящика беленькой с красненьким — и как не бывало. Даже Казы, когда последний раз в район ездил, с ней, окаянной, успел снюхаться. Вот летом, когда весь народ на джайляу отправляется, у меня на одного аксакала надежда... Так он за свою жизнь и глоточка не принял, говорит, намаз от нее силы лишится.

— Да простит тебя, болтуна, аллах, — вздохнул Омар.— И для тех, кто не соблюдает его предписаний, водка тоже вещь непотребная.

— Э, аксакал, вы ее вкуса не пробовали, оттого так рассуждаете. Вон Казы разок отведал и увидел, что вся его прежняя жизнь впустую пролетела. И мне хорошо: есть с кем чокнуться. Скоро ведь он, аллах свидетель, жену за пол-литра отдаст...

— Ну, заладил... Тебе бы только язык почесать! Было дело, случилось выпить, — что же теперь?

— Пей, да почаще, удачи тебе...

— Они, как в прежние времена между одногодками-курдасами водилось, все насмешничают друг над другом,— сказала байбише Нурила, жена Омара, темнолицая худощавая старуха в белом хитмешке. Ей хотелось переменить разговор.

— Когда куйдашы шойдутся, вешело бывает,— вставила Асулу.

Щенок, вдоволь насытись баурсаками и сахаром, внезапно затявкали, как бы одобряя ее слова.

— Вот что значит старость,— покачал головой Омар.— Начинаю про одно, перехожу на другое... О чем это я рассказывал?

— О том, что среди собак бывают такие, с которыми даже человеку не сравниться,— пошутил Есенжол.

— Да, вспомнил... И зверь, и человек походят на своих предков. Скажем, тягой к собакам Адиль точь-в-точь уродился в своего деда, покойного Амира...

— К тому же старый Мамай, о котором вы говорили, приходится мне нагаши,— сказал Казы.— Этого щенка я у него и взял, когда зимой в Баканас ездил. Он единственным родился, и Мамай, честно говоря, не хотел отдавать его. Мол, внук подрос, на охоту скоро выйдет, собака ему понадобится... Так я насел на него, чуть не силой отобрал: это, мол, в счет сорока коз¹, таков, мол, обычай... А щенок... На ваш взгляд, чего он стоит?

— Собак хороших я перевидел немало, а сам охотиться не пробовал. Какой из меня знаток?

— Все равно по сравнению с нами вы человек опытный. Адиль, опусти щенка... Скажите, аксакал, свое слово.

¹По обычаю племянник должен получить в подарок от своих родственников по материнской линии сорок коз или что-нибудь равноценное.

— Что сказать... Грудастый — значит, в беге выносливый. Шея короткая, морда скуластая — значит, зубастый, сильный. Задние лапы с приземистой голенью — верный признак быстроты. Не знаю, возьмет ли волка, но лисьими тымаками всех нас одарит, попомните мое слово...

— Да исполнится все, что вы сказали! Первый тымак — ваш! — воскликнул Казы.

— Не зря Мамай не хотел с ним расставаться, — заметил Есенжол.

Спустя немного времени к столу подоспело блюдо с мясом, поверх которого возвышалась жирная баранья голова с отвислыми ушами, разваренная до того, что местами обнажились кости черепа. Но Адиль и его белый шенок уже спали, прикорнув у стены, щека к щеке.

4

Наступили в жизни Лашына счастливые, безмятежные деньки...

Отец наказывал Адилю:

— Он любит побродить на свободе, дома ему не сидится. Недавно этот паршивец Бардасок, дворняга Есенжола, чуть его не задрал. Не случись меня, он бы загрыз беднягу. Пришлось уложить Лашына в кроватку, ту самую, где ты маленьким спал. Дней двадцать прошло, пока на ноги поднялся. Так что смотри не спускай с него глаз.

Адиль и без того не разлучался с Лашыном. Три дома среди безлюдной степи — вот и весь

— 3615:5 (1)

аул; детей здесь, кроме Адила, нет, и единственное у него развлечение, не считая книг, — щенок. В первый же день нацепил он на конец длинного курука лисий хвост. Лашын хоть и ведать не ведал, что это такое, все же вознамерился куснуть его — так, на всякий случай. Адиль опустил кончик хвоста чуть ли не к самому его носу, разрешил понюхать, подразнил, а потом вдруг, стоя на месте, закружился, держа курук в вытянутой руке. Лашын бросился за хвостом, но тот летел по кругу, оставаясь недосягаемым. Вот он припустился, стелется легкой волной, чуть касаясь кончиком щенячьей мордочки. Лашын прибавляет ходу, но хвост взмывает вверх. Щенок несется по кругу во весь опор. Сейчас наконец он будет у пса в зубах!.. Но неудовимый хвост взлетает снова и несется в обратную сторону. Щенок тоже поворачивает назад. Лапы у него наливаются тяжестью, бежит щенок все медленней. Но хвост, мягко струящийся по воздуху, не уходит от него слишком далеко. Чужой, но приятный запах, остающийся в воздухе, будоражит щенка, раздувает в душе пламя непонятной страсти. Впитавшийся с кровью предков азарт охоты вновь подстегивает его, и щенок с еще большим остервенением пускается вдогонку за лисьим хвостом.

Но вот пушистый кончик попадает ему в пасть! Щенок с наслаждением грызет и рвет его, волочит по земле хвост и долго, рыча, возится с ним. И вдруг хитрейший хвост снова выскользывает из его зубов. Щенок пускается в погоню — и так много раз...

Дом Казы стоит в укрытом от ветра месте, у подножия холма, до самой вершины заросшего сизым ковылем и таволгой. Холм плавно переходит в низину, когда задувает ветер, густые травы на ней колышутся, будто катятся зеленые волны. Бойкий родничок журчит по дну рассекающего низину оврага, вдоль извилистого ложа шелестит-лопочет молодой тростник...

У Адила главная забота — пригнать кобылу в положенное для дойки время, она пасется среди высоких, набирающих сок и силу трав. И шенок, у которого только голова мелькает белым пятнышком между зеленых стеблей, мчится вприпрыжку за Адилем. На обратном пути он вовсю заливается веселым лаем, преследуя кобылицу. Она пускается вскачь, Лашын отстает и, донельзя возбужденный, путается у Адила в ногах.

— И зачем ты таскаешь за собой этого глупого щенка? — сердилась Камила. — Сколько повторять: нельзя перед дойкой тревожить кобылу, она теряет от этого молоко.

Но Адиль по-прежнему не расставался со щенком, а тот не упускал случая позабавиться с кобылой. Лишь после того, как мать, потеряв терпение, сгоряча вlepила Адилью хороший подзатыльник со словами: "Смотрите какой — маленький, а упрямый!" — и огрела щенка подвернувшейся под руку палкой, мальчуган более внимательно отнесся к ее наставлениям. Отец смастерил красивый узорчатый ошейник, и теперь Адиль водил щенка с собой, сдерживая вовремя его бо-

своей пыл. Однако шенок по привычке, едва завидев серую кобылу, принимался гавкать, а кобыла, то ли уступая ему, то ли жалея и боясь, чтобы от неистового лая он не разорвался на части, по-прежнему неслась в аул галопом. Так что, случалось, пока Казы, набив книгами свой коржун, доберется, потратив полдня, до аула, выехавшего на сенокос, да не меньше чем за день объедет отары, разбросанные по джайляу, — случалось, что за это время и Адилю, и Лашыну не раз достанется, и довольно крепко, от скорой на расправу Камилы.

За низиной, поодаль, тянется гряда сопок, разделенных невысокими перевалами. Здесь повсюду кудрявятся густые талышки; поблескивают в камышовых зарослях родники — прозрачные, чистые, со студеной водой; дикий шавель на просторных луговинах так высок, что укроет опустившегося на землю верблюда...

Когда лето перевалило за середину и небо накалилось, налилось тугим, неслабеющим зноем, а кончики трав начали подсыхать и желтеть, Адиль стал уходить во время своих прогулок все дальше от дома, в сопки. И Лашыну, для которого до сих пор границей был овраг, теперь открылся новый, незнакомый мир. Множество неизвестных запахов ударили ему в ноздри. Был среди них и резкий запах перепрелого, вываленного в пыли кизяка, и пряный запах сочного луга, и тонкий, нежный запах алых, желтых, голубых цветов, и сыроватый запах прошитой корешками дерна почвы, и горький запах сгнившие-

го дерева... Щенок, у которого кружилась голова от слоистого аромата, пропитавшего воздух, весело тьякал от беспричинного ликования, валялся по траве, прыгал вокруг Адила, бегал, повизгивая, взад и вперед, резвясь в полное свое удовольствие. И, чем дальше от аула, тем чаще встречались запахи всевозможных живых существ. Тут — запах лошади, там — запах коровы, здесь проходил человек, ну а вот — запах того пушистого хвоста, который летел за куруком... Да, да, этот хвост побывал здесь, где разрыта земля, затем обогнул колючий кустарник и направился куда-то к холмам... Лашыну хотелось бежать по его следам, но позади раздавался голос Адила, приказывающий вернуться, и ему волей-неволей приходилось поворачивать назад.

В небольших рощицах по склонам оврагов прохладно и даже влажновато. Земля здесь волглая, трава мягкая, шелковистая. Пахнет шиповником, бояркой, хмелем, но все эти запахи забивает запах черной смородины. Адиль без особых хлопот доверху наполняет свое небольшое ведерко крупными ягодами под сизой туманной пленкой. Потом, отыскав местечко, где повыше трава, укладывается, подложив под голову толстую корягу. Так он лежит на спине, под нависающими над самым лицом ветками смородины, и небо, просвечивая между разделенными на три зубца листьями, кажется отсюда пятнистым, разорванным на мелкие голубые клочья. Но оно все равно кажется прекрасным, и еще — не очень далеким, достаточно протянуть руку вверх, разгрести

листву — и вот оно, у самых твоих пальцев... Ягод и без того великое множество, но когдамотришь снизу, их видно еще больше. Их уже не скрывают листья, и они, как черные блестящие бусинки, теснятся одна к одной, часто-часто. Адиль, заложив ногу за ногу, не спеша захватывает ягоды полными горстями и отправляет в рот. А если там, куда дотянется рука, ягода кончится, он, двигая локтями, меняет место. Но вскоре он ест ягоды уже не горстями, а лениво срывает по одной, словно нехотя раздавливает губами, целя кислотоватый сок. Потом, заложив под затылок руки, долго лежит не двигаясь, глядя в голубое небо, блеснувшее, когда по нему проплывают облака. Белый щенок, подражая хозяину, тоже распластывается по земле, привалясь грудью к влажной траве; здесь ему прохладно, и он, положив голову на вытянутые лапы, замирает, не издавая ни шороха. Его беспокоят лишь комары да мошки. А не будь их, так сладко можно было бы выпасться, столько увидеть приятных снов! Но после того, как они со щенком так вот полежат, отдохнут в полном блаженстве, Адиль, будто внезапно вспомнив о чем-то, произносит “Хоп”! и вскакивает с места. Виляя хвостом, щенок вскакивает за ним и сильно, всем телом встряхивается. Перепрыгивая через родниковые струйки, поблескивающие среди потемневших, гнилых коряг и поваленных стволов, с треском обрывая цепкие нити хмеля, они выбирают из сплошных зарослей. В овраге знойно, душно. Солнце в зените печет, обжигает лоб. Адиль повязывает

голову, обриту наголо, носовым платком, и вдвоем со щенком они бегут к перевалу. Здесь дует прохладный ветерок. За перевалом — аул...

Лашыну исполнилось шесть месяцев, он вытянулся, покрупнел и стал больше походить на взрослую собаку. К этому времени он постиг, что в жизни и обычаях его хозяев, да и не только хозяев, а вообще двуногих существ есть немало такого, что ему не под силу объяснить. Раньше все или почти все, с чем он сталкивался, казалось ему вполне понятным и разумным. Но теперь, как призадуматься, то одно, то другое просто не укладывается в голове.

Скажем, та же лошадь. У нее четыре быстрые сильные ноги. Она никогда не спотыкается, не падает, подобно Адилю. А поскачет — и никакому человеку за ней не угнаться. Однажды серая кобыла рассердилась на что-то и давай брыкаться обеими задними ногами, так что изгородь не выдержала, повалилась на землю. А если бы под копыта ей попался человек?.. Что бы от него осталось?.. Но несмотря на все это, лошадь не выходит у него из повиновения, что ей человек ни прикажет — она все исполняет. Даже маленький Адиль — и тот над ней хозяин. Как это понять?..

Или, например, корова. На голове у нее торчат два рога — толстые, острые. Как-то Лашын крутился рядом с ее теленком, и вдруг она с ревом устремилась на щенка. Не отскочи он в сторону, не пустишь наутек, она бы все косточки ему раздробила. И что же?.. Корова тоже покорно служит человеку. А бедняга верблюды — уж на

что страшилище, да еще и с двумя горбами,— он запросто поднимает груз, который и десяти двуногим не под силу, а ведь тоже день за днем смирнехонько выполняет за человека его работу. И ревет, прямо-таки исходит ревом, бедолага, но поперек человеку ни за что не пойдет.

Ну, а черный псина, который едва не загрыз его весной?.. Зубы коренные страшные, кинься он на кого-нибудь — никто перед ним не устоит. Но ведь и он покорен человеку. Покорен и жалок даже — ему не позволено, как Лашыну, например, входить в дом, дальше порога его не пускают. И главное в жизни — еда — тоже целиком во власти этих двуногих. Они поедают все самое сладкое, самое вкусное, причем едят сколько пожелают. Правда, Лашын в еде не испытывал недостатка, но судя по тому, как черный псина рыщет по дворам, что-то вынюхивая, Лашын, глядя на его запавшие бока, понимал, что тому не так уж часто доводится досыта набивать свое брюхо.

День ото дня все больше загадок возникало вокруг. Чего стоит хотя бы железная арба, на которой однажды приехали в аул какие-то люди! В нее не было впряжено ни лошади, ни верблюда, бежала она сама собой, к тому же издавая рычанье, похожее на рокот далекого грома. Другой раз в степи опустилась огромная птица. Вместе с аульчанами, оседлавшими коней, помчался к птице и Лашын. Что же он увидел? Обыкновенное железо, светлое на цвет. Из него вылезли люди, постояли немного, разговаривая с конни-

ками, что-то у них выпрашивая, и снова вернулись внутрь железной птицы. Голос у нее оказался ужасающий, вдобавок птица, взлетая, подняла бурю. Если Лашын и остался жив, то потому, что опередил отступавших под жестокой струей ветра лошадей и успел отбежать в сторонку...

Чем таинственней казался ему человек, тем больше Лашын верил в его могущество. Вдобавок произошло событие, после которого Лашын и вовсе перестал удивляться тому, что все живое в мире покорно человеку, он и сам признал его полнейшее, безоговорочное превосходство...

А было так. После очередной вылазки за смородиной они с Адилем возвращались в аул. И, едва обогнули высокие кусты ушката, которыми зарос пологий склон, как увидели перед собой Бардасока. В двух шагах, на расстоянии конского повода. Тощий пес, раскидав запасы семян и соломы, собранные полевыми мышами, в нетерпении разгребал лапами мягкую землю. Поскребет-поскребет когтями, сунется мордой в нору и нюхает, рыча от жадности. Потом снова принимается за работу и с каждым разом все больше распяется, чует, наверное, близкую добычу... Адиль замер от удивления, застав собаку за таким странным занятием. Ну, а у Лашына при виде заклятого врага екнуло сердечко. Задрожал он — каждой косточкой, каждым суставчиком — и забился под ноги Адилю, ища защиты. Тогда вспомнилось Адилю, что рассказывал ему отец об этом черном разбойнике, чуть не растерзав-

нем его щеночка, его милого Лашына, ко
был совсем еще маленьким...

Он пригнулся, пошарил рукой по земл
лышав шорох, пес выдернул морду из но
поздно. Едва он успел повернуть голову на
чу опасности, как острый, увесистый каме
лил ему в бок. Отчаянный визг эхом откли
ся в сопках, и пес пустился бежать, выги
боли спину горбом. Второй камень, чуть пом
первого, последовал за Бардасоком, не по
шмякнулся где-то в кустах таволги. “Черт!
досадой хлопнул себя по бедрам Адиль. Т
теперь Лашын, совершенно не ожидавший
го оборота событий, очнулся, очухался. И т
обуяла ярость. Он загавкал тоненьким гол
и помчался за улепетывающим Бардасоком.
проводив своего давнего врага на значите
расстояние, он против воли остановился, п
нившись Адилю, который бежал за ним,
шивая вернуться. И долго еще не мог при
себя, оправиться от потрясения, которое
вернуло все его прежние представления о ж
о собственном существовании, о сильных
бых. Если Адиль — самый маленький сред
известных двуногих — способен на такое,
что способны остальные?..

“Откуда я пришел, кто я, куда иду?..”
столь сложные философские вопросы, пон
не рождались у щенка в голове. Но после
санных происшествий Лашын убедился, чт
на свете обладатель могущественных, всеп

дающих сил. Повелевая ими, он может все, чего захочет. Имя этому повелителю — человек.

5

Казы, сухо покашливая, с трудом отстегнул крючок на набухшей двери. Лашын опередил хозяина и стремглав выскочил наружу. Выскочил — и зажмурил глаза, ослепленный удивительно ярким светом. Все окрест, вчера еще грязно-серое, бурое, сегодня переменялось: и дальние холмы, и двор, и крыши сараев — все накрыто празднично-белым покрывалом. Лашын, слегка поживаясь от свежего воздуха, сделал два-три шага вперед. Что-то слабо похрустывало под его лапами. Он обернулся: за ним четко пропечатались следы. А вот и хозяин — идет к сараю, и за ним тоже тянутся цепочкой отметины. Некоторое время Лашын постоял на месте, в недоумении от нового открытия, потом по примеру хозяина направился к сараю. И опять увидел следы, но похожие на его собственные, только поменьше. Ткнулся носом, принюхался — оказалось, что их оставил Бардасок. Судя по всему, он кружил здесь, выискивая что-нибудь съедобное.

Воздух был чист, свободен от чужих запахов, плотен от морозца, — с каждым вдохом Лашын чувствовал, что его грудь наливается силой. Взметывая сухой, искрящийся снег, он пробежался несколько раз вдоль двора. Ему захотелось помчаться к роднику, — и потом за перевал, похожий на изогнутую верблюжью шею, и еще — порез-

ввиться в поле. Только опасенье, что где-то рядом бродит Бардасок, остановило его. К тому же, увидев, что хозяин вывел коня и привязывает к изгороди с наружной стороны, он решил, что тот куда-то собирается ехать и, возможно, прихватит его с собой.

Шенок, еще недавно голенастый, куцехвостый, тугобрюхий, уже превратился в почти взрослого борзого. Он окреп, раздался в костях, грудь развернулась вширь, брюхо подтянулось. Его голова, непропорционально большая в сравнении с телом, могла выдержать любые придирки знатоков: темя высокое, умное, уши крупные, в меру широкие, свисающие книзу мохнатыми кончиками. А зубы Лашына, ровные, белые, где положено — длинные и острые, где положено — короткие и крепкие. зубы, которыми невольно залюбуйешься, когда он откроет пасть, — зубы эти способны, кажется, перегрызть и самую толстую верблюжью кость.

С тех пор, как Адиль вернулся к себе в школу, за подрастающим шенком ухаживал Казы. Не давая борзому пищу, от которой может завязаться жир, Казы дожидался первой пороши. Но, как назло, осень затянулась. Зарядили долгие морозящие дожди, задули тоскливые промозглые ветры. Между тем, если собаку не вывести на охоту до годовалого возраста, мышцы у нее на шее потеряют гибкость, затвердеют, и тогда уже не стать ей ловким, хватким псом. Это в особенности тревожило Казы. И когда, наконец, выпал первый снег, Казы, проворочавшись всю ночь в постели,

поднялся затемно, наскоро заседлал коня, покормил Лашына жидкой похлебкой и, уложившись таким образом в короткое время, потребное для того, чтобы вскипятить молоко, выехал со двора.

Для охоты он избрал склоны Жауыртага. И каких только меток не увидел здесь на свежем снегу Лашын! И крупные, и мелкие следы, большей частью совершенно незнакомые по рисунку и запахам; и то переплетаются, то вытягиваются в цепочки, то расходятся в разные стороны. Он готов был мчаться по каждому следу, только приказ хозяина удерживал, смирял его нетерпение. Но вот обозначился след, похожий на оставленный возле сарая Бардасоком, только не такой крупный. Борзому почуялся длинный, пушистый хвост, за которым он гонялся летом... Опустив голову к земле, пес затрусил по каменистому склону. Однако хозяин за ним не последовал, напротив, понизив голос, позвал назад. Потом указал в противоположную сторону и сам повернул коня. Лашын сообразил, что ошибся. Вскоре он уже уверенно несся по следу, опередив хозяина.

Поблизости от плато, между невысоких сопкок, поросших редким караганником, пушистый хвост неожиданно сбавил бег и пошел петлять, отыскивая добычу меж присыпанных снегом кустами. Кое-где встречались разрытые им мышиные норы; не успевшая смерзнуться земля перемешалась с рыхлым снегом. Пушистый хвост то поднимался на холм, то нырял в ложбину и подолгу петлял из стороны в сторону. Неопытному псу, который все время старательно держал

след и раз десять, наверное, возвращался кругами к одному месту, наконец надоело гоняться за не то чересчур хитрым, не то попросту глупым зверем — и без всякого результата... Но когда хозяин приблизился к нему, азарт охоты вновь разыграл в Лашыне, и он, труся по следу, теперь повернул вверх по склону. Едва он перевалил за холм, как заметил внизу, у подножия, метнувшегося в заросли караганника зверя, того самого, которого так долго и безуспешно искал. И хвост у него в самом деле оказался длинный и пушистый, а сам он в чем-то походил обликом на собаку. Но зверь был огненно-рыжий и напоминал раздуваемое ветром пламя... Невозможно было им не залюбоваться! Красным, жарким языком стелилось оно по белому снегу... На какой-то миг Лашын замер, но секундой позже, взметая сильными лапами снег, уже летел стрелой.

Расстояние стремительно сокращалось. Характерный лисий дух донесся до ноздрей борзого. Лашын отчетливо видел впереди спину зверя. “Я быстр! — ликовал молодой борзой. — О, как я быстр!” Хотя у лисы ноги короткие и на ходу она семенит, при всем том бежит так, что запросто ее не нагонишь, Лашын был от нее уже на расстоянии аркана, но потом заметил, что промежуток между ними стал увеличиваться. Лисица тянула теперь поперек низины, уходя малопомалу в сторону сопки. Стоит ей добраться до каменистого склона, и она спасена... Но на беду ей впереди проступил темный силуэт хозяина собаки. Он, видно, решил перебить ей дорогу и

скачет наперерез. Лисица тоже напрягла все силы, но человек, нахлестывая коня и крича во все горло, успел отрезать ей путь. Зверь свернул в сторону и побежал наискось. Удалось выиграть небольшое расстояние. Теперь была надежда, что, опередив всадника, ей удастся улизнуть по склону в безопасное место. И правда, через некоторое время всадник, скакавший вдоль подножия сопки, стал отставать. Борзой тоже не был сейчас для лисы опасен, и она, казалось, вот-вот перестанет быть для них досягаемой...

Но в это мгновение впереди открылась широкая впадина. И лисица увидела, что совершила губительную ошибку. Вдоль впадины земля заросла высокой травой, пересохшей и жесткой, присыпанной тонким слоем снега. Летом здесь зеленел веселый луг, не ведавший серпа, и сочная, разросшаяся на приволье трава скрывала лошадь по самую голову. Теперь же этот луг, увядший и поблекший, представлял неодолимую преграду для лисицы с ее короткими лапами. Как быть?.. Не зная иного выхода, она кинулась прямо на впадину, на крутом ее склоне трава была не так густа. Но ее сухие стебли кололи и царапали брюхо, и лиса бежала вприпрыжку, всем телом вскидываясь вверх. Зато псу, долгоногому, юному, полному сил, ломкие стебли не могли служить препятствием, скорость его не уменьшалась. Расстояние, которое лисе удалось было выиграть, выжав из своих четырех лап все возможное, быстро сокращалось. "Настигну! — вновь ликовав борзой. — Еще немного... и я ее настигну!"

Лиса бежала из последних сил, ее хвост беспомощно обвис. Он уже не пушился, не раздувался на ветру, а волочился следом, вдобавок ко всему замедляя ее бег. “Сейчас!— торжествовал пес.— Сейчас я схвачу ее!” Зубы его лязгнули, предвкушая миг, когда конец огненно-рыжего хвоста окажется у него в пасти. Но тут крутой травянистый спуск оборвался, лапы лисицы коснулись твердой гладкой земли, светлой от укрывшего ее снега, с торчащими там и сям стрелками ковыля. Собрав последние силы, изнемогая от когтистого, впившегося в затылок страха, лиса рванулась вперед. Смерть, шелкая пастью, приотстала, но надолго ли?.. Расстояние между лисой и псом — не больше конского повода. К тому же столько сил ушло на то, чтобы одолеть крутой склон... Лапы, потяжелев, уже без прежней легкости отрывались от земли. Но предсмертный ужас гнал лисицу вперед.

Позади размеренно и все громче похрустывал снег, возвещая неуклонное приближение врага, и славленное, тяжелое сопенье, которое лиса отчетливо слышала, свидетельствовало, что зубы, острые и безжалостные, готовы вот-вот впиться в ее нежное тело. Ветер застилал ей глаза, бурый туман клубился вокруг. Не из надежды, что это избавит ее от опасности, а лишь по привычке, инстинктивно, лисица вскинула хвост — и он вырос на пути у собаки, последнее препятствие и единственная защита. Простодушен был молодой борзой! До сих пор гнался он за лисицей вовсе не ради того, чтобы схватить ее и разодрать в кло-

чья. Чем-то вроде забавы было для него это преследование. Настичь и, слегка прихватив зубами, повалять на снегу, поиграть в перевертыши. Когда рыжий хвост расцвел у него перед глазами, он и это принял за новую игру и теперь всю стремился завладеть хвостом. Только порхнет у самой морды — и тут же метнется вбок. Борзой повернет морду, нацелится, вот-вот схватит — а хвост уже взмыл, упорхнул. Пес по инерции стремглав проносится мимо, а хитрый зверек опять в стороне, на расстоянии курука. Пес в запале скачет за ним, преследует почти по пятам. Но рыжее пламя вспыхивает где-то слева, и потом справа, и снова слева, — борзой хватает пастью пустой воздух, крутит головой и видит, что лиса выиграла у него пространство, которое не одолеть и за три добрых прыжка.

Лашын обессилел от этой погони. А лисица, пока он, задыхаясь, взбирался по крутому склону, свернула неожиданно к зарослям таволги, обжала их кругом, вконец измотав борзого, и припустила вперед по прямой, все так же расстилая по воздуху свой пышный и лукавый хвост. Еще миг — и она исчезла из глаз, перескочив узкую седловинку между соседними холмиками.

Лашын остановился. Грудь его распирало, язык разбух и не умещался во рту. Ныли ноги, чужие, непослушные, в голове кружилось. Цепочка убегающих вверх следов, переплетенные ветки кустарника, холмы, белые от снега, — все покачивалось, куда-то плыло... Но внезапно борзой встрепенулся, хотя и не поверил себе в первое мгнове-

ные. Та самая лисица, которую он, казалось, окончательно потерял из вида, вынырнула из-за уступа и теперь во весь опор неслась ему навстречу.

Должно быть, хитроумный зверек не подозревал, что пес, гнавшийся за ним, пока всего-навсего “көк-асык”, то есть зеленый, не достигший зрелости, и способен в решающий момент оборвать преследование. Да, такого лиса не ожидала... Перескочив седловину, она метнулась вбок, огибая сопку по каменистому спуску, на котором не оставалось следов. Так рассчитывала она сбить с толку настигавшего ее пса. Но хитрость ее доконала: враг, которого удалось так ловко обмануть, неожиданно-негаданно очутился перед нею, лицом к лицу.

Все было кончено, лисица почуяла, что попала в когти смерти. Она в отчаянии кинулась назад, однако Лашын, успевший немного передохнуть, отдышаться, настиг ее в два прыжка. Стелющийся по земле хвост уже был в его пасти. Лисица обернулась, куснула борзого в морду. И пес, у которого не было мысли причинять зло пушистому зверьку, разозлился, когда в него впились острые зубы. Лиса, высвободившись, вновь пустилась бежать, да где было ей спастись от нависшей над нею громадины! Прыжок — и пес опять завладел ею, вцепился в бедро, ударил оземь, потом сдвинул клыками, раз и еще раз, только хрустнули ребрышки...

Подоспел хозяин. Спрыгнув с лошади, он подбежал к собаке, тормозившей безжизненную лису: “Хватит, Лашын, хватит!” Он вырвал из

пасты борзого добычу, приподнял за хвост лисицу и ударил головой о землю.

— Счастливой охоты тебе и твоему потомству!.. — улыбнулся он псу.

Лашын, разумеется, не понял, что кроется за словами хозяина, но уловил главное: тот благодарен ему и очень доволен.

Так борзой научился убивать и уяснил, что за это хвалят. Для него наступила жизнь, полная борьбы и собачьей доблести, кровавых схваток и неизменных побед.

6

Вскоре слава о борзом разнеслась по всей округе. И редкий мужчина среди живущих в ближних аулах не украсил в ту зиму голову новеньким лисьим тымаком. Все были довольны и хвалили Лашына. Особенно старый Омар. “Теперь я не мерзну, как раньше, в дрянной мерлушковой шапчонке, — говаривал он. — Теперь мне тепло, а все Адиль, воспитавший такую собаку, да процветет его потомство, да не переведутся у него пятерки, да будет он первым из сверстников!..” Чаще всего повторял он эти слова, когда заходил в дом Казы услышать свежие вести о своем любимце. Чабаны и сторожа с окрестных зимовок или сами заворачивали к Казы, или передавали привет через посланца, но так или иначе каждый разжился у него лисой. А Беккали, заведующий фермой, даже двумя лисьими тымаками обзавелся: один надевал в ауле, другой — когда ехал на

колхозное правление или в район. И только продавец Есенжол остался без лисы. “Пускай сначала перестанет обсчитывать народ на своих счетах, — якобы сказал Казы. — Да пускай не обманывает и не ябедничает!”

Как-то раз, недолгое время спустя после первой охоты, Казы уехал из аула вместе с Беккали, который спешил в районный центр с годовым отчетом. Вернулись они домой недели через две. Вечером в тот день жители четырех домов, именуемых в совокупности центральной усадьбой фермы, собрались у Казы. В отличие от обычного, посреди круглого стола выстроились три бутылки с прозрачной жидкостью. Но не было за дастарханом веселого оживления, от которого светом и радостью наполнился дом после приезда Адила. Говорил большей частью Омар, остальные же — и толстый Беккали, у которого, несмотря на то, что ему не исполнилось тридцати, выпирал живот и жирно лоснились тугие щеки, и увертливый, подобно рыжей лисице, рябой Есенжол, и картавящая на каждом слове Айсулу, — все они старательно заливали в себя прозрачную водичку. Даже Камила и жена Беккали отведали ее разок. Лашын заметил, как та и другая при этом сморщились, закрутили носами. Не очень-то, наверное, вкусна прозрачная водица, горчит... Но хозяин от нее не отказывался. И гостям подливал, уговаривал пить до самого доньшка, и о себе не забывал. Закашляется, захрипит с присвистом — и тут же опрокинет в рот стаканчик. А потом и вовсе странно себя повел:

гости еще не разошлись, а хозяин привалился к подушке и заснул, захрапел. Не похоже на него это... Нет, не похоже. Что-то случилось у него, какая-то перемена в жизни.

Казы часто выезжал на охоту, особенно если выпадала пороша, на которой зверь оставляет свежие, отчетливые следы. Спозаранок пускались они с Лашыном на поиски добычи, случался ли на ту пору, как называют казахи, “долгий сонар”, когда снег прекращается к полуночи, или “кровавый сонар”, когда валит до самого утра, или “короткий сонар”, когда сыплется мелкий и ночь, и день; по снегу, как по странице в открытой книге, опытный глаз прочитает, давно ли проходил зверь и далеко ли успел уйти. А иной раз, не дожидаясь погоды, Казы целиком полагался на пса, на его нюх, сметку и скорость. И не зря: даже в самые неудачливые дни возвращались они по крайней мере с парой зайцев. Лашын окреп, тело у него стало упругим, налились мускулы, незнакомым людям его вид и размеры внушали невольную опаску. Правда, у себя в ауле он держался довольно робко, вспоминая, возможно, какого страха натерпелся в этих местах когда-то, в пасти черного пса...

Но однажды вечером, когда непрестанно кашляющий Казы, выпив горькой водицы, прилег и укрылся, чтобы пропотеть, Лашын выскочил за дверь и замер у порога, как прикованный: во дворе был Бардасок. Он остерегался обычно появляться во владениях Лашына, но сейчас нарушил запрет и с жадностью рылся в куче отбросов. Он

тоже заметил борзого. Бардасок стоял к нему вполборота и только повернул голову, оскалился и зарычал. Однако Лашыну послышалось в его рычанье больше боязни, чем угрозы. Несколько удивленный и успокоенный этим, Лашын пригляделся к псу, которого давненько не видел. Тот словно сделался меньше ростом и был какой-то потрепанный, жалкий на вид. Он, видимо, тоже сопоставил свои силы и силы борзого и понял, что потасовка не обещает ему ничего хорошего. Глухо рыча, он поджал хвост и пустился наутек по направлению к своему дому. На борзого внезапно нахлынула ярость. В несколько прыжков настиг черного кобеля и тем же способом, каким бросался на лисиц, ухватил его, вцепился зубами в пах, шмякнул о землю и навалился всем телом сверху. Но кобель оказался посильнее лисы. Истонно воя, он кусал борзого куда придется, и лишь когда острые клыки сомкнулись у него на горле, прекратил сопротивление. Хриплые звуки сдавленно клокотали у него в глотке, лапы конвульсивно дергались и скребли землю.

Кровь заливала борзому глаза. Ничего не видя перед собой, он продолжал душить Бардасока. Только неожиданный удар заставил его прийти в себя. На мгновение Лашыну показалось, что хребет у него треснул, переломился надвое, — это из всей мочи пнул его кованым сапогом Есенжол. И тут же замахнулся во второй раз. Лашын увернулся. Выпустив свою жертву, он отскочил в сторону, но не побежал — остановился напротив, оскалил зубы.

Казы, до которого донесся шум собачьей грызни, выскочил на улицу и, прихрамывая, кинулся к Есенжолу.

— Эй, ты чего мою собаку бьешь? — закричал он.

— Бью?.. Да я шкуру с нее слеру!

— Шкуру?.. Да ты... Ты кто такой?..

— Ах, ты еще не знаешь?.. — усмехнулся Есенжол. — Ну так узнаешь. Я тебя заставлю узнать. Отправишься следом за племянничком.

— До моего племянника тебе дела нет, — сказал Казы, внезапно притихнув. — А мне ты не грози. Люди говорят: правду согнешь, да не сломаешь. Я кровь проливал. Это всем известно. Вот! — И Казы, чуть прогнувшись, хлопнул себя ладонью по деревянной ноге.

— Э, голубок, видали мы таких чистеньких! Ангелы с крылышками, да и только! — Голос у Есенжола взвился вверх и задрожал. Он чем дальше, тем больше взвинчивался, срывался на крик. — Думаешь, все ослепли, бдительность потеряли? Не все! И у нас есть глаза и уши!.. Ты у себя в Красной юрте какие книжки собираешь? А?.. Какие, говорю, книжки?..

— Как это — какие? Те самые, которые советские издательства выпускают.

— Их предатели выпускают, вроде твоего племянничка! Все вы одного поля ягода... Я, думаю, не знаю, какие книжки у тебя летом сын Есенжана брал, студент?.. Все немецкие да американские. А нашим грамотеям ты что суешь? Старые книжки, старые! Которые о прошлом пла-

чут, про них и в газетах писали! Спалить бы давно их надо, а ты припрятываешь. Может, ответишь — зачем? А?.. Молчишь? Ну, молчи. Зато честные люди молчать не будут!..

— Заткни свой поганый рот, бесстыжая тварь!
— Казы ухватил Есенжола за ворот.

Их уже со всех сторон обступили соседи.

— Вот так, уважаемые! Смотрите!— сказал Есенжол, вздевая руки.— Смотрите... Его борзой моего пса задрал, а теперь он и меня хочет убить. Будьте свидетелями!..

— Мразь!— процедил Казы сквозь зубы.— Или тебе и вправду набить рожу!..

— А ты попробуй, попробуй...— Есенжол без усилия высвободил ворот из разжавшихся пальцев и резко оттолкнул Казы. Глядя на своего недруга, неуклюже осевшего в снег, бросил:— Пьянчуга несчастный! — и, брезгливо хмыкнув, пошел прочь.

Лашыну остались непонятны слова, произнесенные во время скандала. Но ясно было, что причиной ссоры послужила его схватка с Барда-соком. Когда Казы схватил Есенжола за ворот, у борзого дыбом поднялась шерсть на спине, он бы кинулся хозяину на помощь, не помешай ему подоспевшие люди. Тем не менее Лашын не сомневался, что хозяин одержит верх над щуплым и тшедушным продавцом. Но случилось иначе...

Обычно Лашын не придавал значения тому, как люди относятся друг к другу. Правда, двуногие бывают разные. Камила, например, пользуясь тем, что она больше Адила, наедине частень-

ко его поколачивала, после чего мальчик уходил, чтобы пригнать кобылу, или отправлялся за водой. А однажды, когда Камила особенно наседа-ла на Адиля, Казы запустил в нее сапогом, кото-рый в тот момент стаскивал с ноги... Но всему этому Лашын не придавал значения. Зато схват-ка, причиной которой был он, убедила борзого, что люди, подобно всему живому, делятся на силь-ных и слабых... Впрочем, уважение к хозяину у Лашына не уменьшилось. Поняв, что в трудную минуту он готов за него заступиться, не полага-ясь на собственное превосходство над врагом, Лашын полюбил его даже больше прежнего...

7

Бардасок, едва избежавший смерти, теперь и приблизиться не смел к дому Казы. Стоило ему издали завидеть Лашына, как он поспешно пря-тался. Что же до Казы, то хоть он и потерпел поражение в стычке с Есенжолом, однако в при-сутствии продавца ничуть не робел. Раз в два-три дня он заходил в магазин, доставал из карма-на похрустывающую бумажку и вручал Есенжо-лу, а за пазуху заталкивал бутылку, наполнен-ную горькой водичкой...

Борзому нравилось, когда они с хозяином на-правлялись в ту сторону, где стоял дом продавца, примыкающий к магазину. Бардасок, почуяв их приближение, терял покой. Он забегал в сени, выскакивал наружу и снова прятался, а когда у него исчезали последние сомнения, предпочитал

убраться со двора. Казы, впрочем, не заглядывая к Есенжолу в дом, он открывал дверь тесной лачонки, в которой и двоим не повернуться, и тут же, на пороге, запускал руку в карман...

Дорога в ту сторону борзому была по вкусу, обратная — нет. Стоило ему немного удалиться от дома продавца, следуя за торопливо ковыляющим хозяином, как Бардасок, взобравшись на кучу прелого навоза, раздражался вдогонку хриплым от ярости лаем: “Испугались? Ну, то-то же! Проваливайте прочь, пока целы!” Остановится Лашын, оглянется — черный кобель сразу же смолкнет. Еще и в подворотню забьется, поджав хвост. Но едва борзой тронется за хозяином, тот опять за свое. Поначалу это злило Лашына, хотелось кинуться, проучить хорошенько наглого труса, однако вскоре он перестал обращать на него внимание. Другое тревожило Лашына. Вернувшись домой, хозяин ударом ладони о дно бутылки вышибал из горлышка пробку, наливал до краев граненый стакан и выпивал залпом. После этого, чувствовал Лашын, что-то в нем изменялось... Нет, собаку он не обижал и Камилу не трогал, — она и без того на цыпочках, тише тени ходила по дому... Обхватив руками голову, хозяин подолгу сидел без движения. Но, каким бы смиренным ни казался он, Лашын в такие минуты его побаивался.

Все дома наперечет в ауле, расположенном рядом с фермой. В магазин, снабжающий жителей чаем, сахаром, разным продовольствием и одеждой, за целый день могут явиться три-четыре по-

купателя. Но Есенжол неукоснительно высиживает за прилавком положенное время — с десяти утра и до шести вечера. Стучит костяшками на счетах, что-то подсчитывает, распаковывает, увязывает. Разве что в обед позволит себе часовой перерыв, не считая воскресного отдыха. Зато уж если, скажем, в выходной день приедут чабаны с отдаленных зимовок, то проси не проси, а замок с дверей не снимет. “Магазин опечатан, права не имею нарушать государственные порядки, — говорит он сухо. — У меня, дорогие, одна голова на плечах”. И остается либо поворачивать восвояси, либо дожидаться завтрашнего дня. Люди, которые круглый год пасли скот, не зная выходных, привыкли к такому обхождению. Им и в голову не приходило возмущаться или жаловаться. И, хотя поговаривали, что Есенжол продает товары по завышенной цене, да еще и обсчитывает покупателей, на это смотрели тоже сквозь пальцы. Мол, здесь, в степной глуши, и за такой магазин спасибо, а разживется Есенжол десятью-пятнадцатью копейками — тоже не беда... Широка душа у степняков, не привыкла мелочиться, считать обиды!

Как-то Казы вернулся домой без привычной бутылки. Кончилась горькая водичка, не поверил бы, да сам Есенжол показал ему пустой ящик. Что поделаешь, раздосадованный Казы, прихрамывая больше, чем всегда, заковылял к дому. Хозяин был хмур, зато Лашын весел. Хрустя затвердевшим после бурана снегом, он кругами носился возле хозяина, раза два или три вывалился

в сугробе. С неба сеялись редкие крупинки. Значит, к вечеру пойдет снег, и завтра они не станут отсиживаться дома.

Казы словно угадал, на что надеется борзой. Он сводил коня на водопой к роднику, потом поставил на привязи у плетня, вынес охапку душистого сена; зайдя в сарай, привел в порядок седло с принадлежностями. И только когда багрово-красное солнце, слабо просвечивая низкие облака, скрылось за горизонтом, они с Лашыном вошли в дом.

В комнате было сумеречно. Казы сбросил сапог, поставил у входа, снял протез, по обыкновению, затолкал под кровать. И прилег перед печкой, облокотясь о подушку, поверх сырмака, настиланного на сложенное вдвое одеяло. Собака расположилась у хозяина в ногах. Окно все плотней затягивала ночная темь, ползушая в дом сквозь обындевшие стекла. Лишь отблески огня, с треском и шипеньем пожиравшего кизяк под чугунной плитой, вспыхивали на стенах и низком потолке. Порывистый ветер, задувая в трубу, временами гнал пламя внутрь, и оно выбивалось острыми язычками из-за печной заслонки. Тогда на мгновение комната озарялась тревожно и резко. Борзой видел, как хозяин, по-прежнему мрачный, безмолвный, лежит, уставясь в угол тоскующими глазами.

Кизяк в печи мало-помалу выгорал, превращаясь в подернутые сероватым пеплом угольки,

темнота вокруг становилась все гуще. Только раскаленная чугунная плита под чайником и побулькивающим казаном угрюмо светилась багряным жаром. В казане варилось мясо, Лашыну шекотал ноздри запах поспевающей конины, сладко дурманил голову... Но хозяин вдруг поднялся и, прыгая на одной ноге, скрылся в соседней комнате. Он вернулся с домброй в руках. Вновь усевшись возле печки, он посидел, помолчал — и начал наигрывать незнакомую, не слышанную Лашыном до сих пор мелодию.

Пальцы его не ударяли по струнам, а как бы осторожно, едва касаясь, пересчитывали их. Мурашки, неведомо отчего, побежали у собаки по телу. Грусть, странная, непонятная, наполнила душу,— грусть и словно бы ожидание чего-то. Лашыну представилось урочище с колышущейся зеленой травой, и вершины холмов, и желтая, опаленная солнцем степь. И будто бы пробираются они с хозяином по некошенному лугу, а потом переваливают гряду бесконечных, вдаль уходящих сопок и устремляются в неоглядно широкую степь. Прохладой веет с ласково-синего неба, ровно и весело рысит конь. Мелкая пыль вьется кудрявой пряжей из-под копыт и тут же рассеивается, будто растворяется в воздухе. Следам снувшего повсюду зверья нет числа. Но они едут все прямо и прямо, не обращая на них внимания. Ах, сколько запахов! Лашын водит носом, ловит запах полевых цветов, запах полыни, ковыля, запах знакомых и незнакомых тварей. Вон из-под куста в испуге метнулся заяц, а там, под

густыми зарослями таволги, затаилась лисица... Но охотничий азарт заглох в борзом: он не кида-ется к лисице, не терзает клыками, не душит, придавив к земле. Нет. Одно-единственное чув-ство целиком захватило его, одна-единственная мечта... Что это за чувство, что за мечта — Ла-нын и сам не знает. Перевалы и сопки опять и опять сменяются новыми перевалами и сопками, нет края у желтой степи... А они с хозяином стре-мятся вперед и вперед...

И вдруг — всему конец. Не в силах перевести дыхание, хозяин зашелся, захлебнулся в кашле. Оборвалась песня домбры... Громыкнула дверь, и в окружении морозных клубов появилась Ка-мила. Она, видно, продрогла, устраивая на ночь скотину, и еще дверь не успела закрыться, как послышалась ее воркотня. Казы удержал в груди кашель и, дыша с присвистом, помалкивал. Ка-мила, по-прежнему ворча, скинула на ходу верх-нюю одежду, присела на корточки, протянув руки к догорающей плите, немного согрелась, потом засветила десятилинейную лампу, пододвинула к Казы круглый стол, расстелила скатерку. Лампу она поставила на стол поближе к дверям, а сама, взяв большое, с полустертой росписью блюдо и дуршлаг, принялась вынимать из казана мясо.

Хозяин, разрезая конину, бросил борзому жир-ную мозговую кость. На ней уцелел кусочек мяса — размером с детский кулачок. Камила что-то неодобрительно буркнула. Казы и теперь про-молчал, положив перед женой позвонок, оброс-ший мясом на добрый палец. Камила, однако, не

ощенила этого и тут же сердито затараторила о чем-то. Ее маленький, с наперсток, румяный рот не закрывался, черные блестящие зрачки, казалось, рассыпают искры, миловидное лицо потемнело. Глядя на нее из своего угла, борзой и костью не мог насладиться в полное удовольствие. Что-то подозрительное чуялось ему, страх зябким ветерком тронул его затылок... Он успокоился немного, лишь когда Камила сполна выговорилась и утихла. Хозяин и его жена принялись за еду, но были оба хмуры, озабочены. Лашын поймал на лету кость, брошенную ему...

Эх, даже то невеселое времечко в воспоминаниях будет казаться Лашыну завидным...

8

Наутро, раным-рано, когда так и манило поднимать до рассвета, они с хозяином поднялись и, едва забрезжило на востоке, отправились в путь. Снег, недолго падавший вчера вечером, сдуло порывами ветра в низкие места, и теперь на фоне застарелой, потемневшей корки, покрывающей из конца в конец всю степь, он выделялся белесыми пятнами. Пестрой и безрадостной выглядела равнина, словно сшитая из грязных лоскутьев. От предутренней стужи воздух сделался жестким и острым, как стальное лезвие. И подобно реке, скованной льдом в ветреный день, коченела в тяжелом безмолвии степь с глыбами приземистых сопок, изломанными гребнями холмов. и не было крутом ничего живого, радующего глаз,

кроме чернеющих то здесь, то там редких кустов таволги. Но то ли от холода, то ли от предчувствия кровавых схваток все тело борзого, и они вышли из дома, пронзила легкая дрожь.

Аул остался позади. Лашын постепенно пришел в себя, бег его стал живее, стремительнее. Он продвигался впереди хозяина, на расстоянии аркана, уклоняясь то вправо, то влево, зорко сматривая по сторонам. Казы понимал, что легкое дело в такой день и на след напасти поймать лису, но тем не менее надеялся на удачу. А вось подфартит судьба, и случай, как говорится, подмаслит тороку седла...

Позади, отделив от горизонта длинное, по-прежнему на ленту облако, показалось солнце. Оно было большое и круглое, как крышка у казана, и красное, как раскаленное в огне железо. Лучи его разливаясь во все стороны, не согревали, как обычно, небо и землю, а добавляли холода. И сразу же мир преобразился. Мертвая, оцепеневшая степь вздохнула и ожила. Если теневая сторона заснеженных гребней выглядела по-прежнему темной и злобной, то солнечная заиграла, вспыхнула красными лотисто-розовыми блестками. Ну, а лошинки, и скопился выпавший накануне снег, засверкал чистейшим серебром.

Еще через некоторое время, когда сумрачные длинные тени стали короче и посветлели, как будто подтаяли на белесом снегу, впереди метнулся заяц. До него было далеко, но у Лашына уже давным-давно гудели лапы, и, хотя заяц, почуввав опасность, тот же помчался вверх по кособокому, пес прямо с ме-

та рванулся за ним. В темпе, который он взял, ему понадобилось совсем немного, чтобы приблизиться к зайцу. Казы, прищпорив коня, не сомневался, что вот-вот перережет заячью глотку, разбрызгав по снегу алую кровь, и подцепит белую тушку задними лапами к своему седлу. Вероятно, и Лашыну мерещилось то же самое... Но случилось иначе. Заяц, слыша у себя за спиной нарастающее хрустенье снега, летел стрелой. Лашын выложился до конца, но расстояние между ними не сократилось. Оба выскочили на разглаженное в ровную площадку плато. Но как ни трамбовал его ветер, а снег здесь был все же рыхловат. Зайца-то он выдерживал, а собака в нем проваливалась то и дело. Лашын видел: заяц медленно, но верно удаляется от него...

Он успел на своем веку переловить столько лисиц и зайцев, что хорошо усвоил: звери бывают разные — и тихходы, не способные к быстрому бегу, и резвые, словно ветер, а потому в конечном счете все решается не только тем, с близкого или дальнего расстояния началась погоня. Этот долгоногий беляк, уже начавший лизать с хвоста — хвост был заметно темнее тела, — явно выделялся среди своих собратьев. Он то собирался в горсть, то расстилался над землей — и мчался так, что ни одной живой душе не угнаться. Но гордость пса, не знавшего поражений, ни за что не дала бы Лашыну признать себя побежденным. Где там! Рано или поздно, а он поймает и этого косоного, схватит, распотрошит... Он старался бежать ровно, кровь бесчисленных пред-

ков придавала ему задора, он стремился только не упустить зайца из виду.

Подъем за подъемом, лощина за лощиной. Тяжестью налились ноги, но Лашын не сдавался. Наконец, когда пересекли заросшую кияком и засыпанную рыхлым снегом низину и стали вновь подниматься вверх по склону, Лашын заметил, что заяц от него всего на расстоянии аркана. И бежит уже не так сноровисто, как прежде. И длинные уши у него обвисли от усталости... Пес напрягся, собрал последние силы и рванулся вперед. Но заяц, обезумев от страха, первым выскочил на перевал. Выскочил, — и ринулся вниз, туда, где чернели кусты караганника. Измотанный пес только зубами лязгнул, увидев, как беляк нырнул в чащу. Борзого хлестали по морде промерзшие ветки, он с трудом продирался сквозь них. Тем временем юркий заяц окончательно ускользнул от него и бесследно пропал. Бесследно — потому что внутри зарослей караганника, тянувшихся по склону сколько видел глаз, было множество заячьих троп, спутанных, петляющих, пересекающихся, отыскать среди них единственно верную было невозможно. Лашын, высунув язык, тяжело дыша, потерянно ткнулся в одну сторону, потом в другую, понял, что потерял длинноухого, и повернул назад.

Казы, в шубе с разлетающимися на ветру полами, гнал запаленную лошадь по следу Лашына. Увидев борзого, он спрыгнул с седла, неуклюже крутнув в воздухе деревяшкой. Первым делом он внимательно пригляделся к собаке, осмотрел

морду, пасть, возбужденно дышавшую грудь. Но кровавых брызг на белой шерсти не заметил. Как же так?.. Он был не столько раздосадован, сколько удивлен. До сих пор Казы полагал, что не найдется зверя, которого упустит его собака. Наверное, вся беда в насте, покрывающем снег и ломающемся под тяжестью борзого...

Сезон, когда охотятся на зайцев, уже миновал. Но по приметам, в которые кто верит, кто нет, если на выезде из дома встретится заяц, его непременно надо затравить. Иначе охота в тот день выдастся неудачной и назавтра вряд ли что-нибудь путное подвернется... Ну, да к чему дальше мешкать? Казы проверил у собаки лапы. Они были целы, только сам пес выглядел унылым, и глаза смотрели виновато, пристыженно. Весь покрытый игольчатым инеем, он слегка дрожал. Скинув шубу из поярковых шкурок, Казы разостлал ее на снегу и укутал пса. Потом вынул откуда-то небольшой кусок желтого курдючного сала и вложил собаке в пасть.

Когда прошло время, достаточное для одной дойки, Казы оседлал коня и повернул его в сторону аула. Что делать, приходилось смириться с тем, что сегодня им не повезло... Но Лашыну, видно, думалось иначе. Силы у него восстановились, он успел передохнуть. Борзой, по обыкновению, вырвался вперед и рыскал, сворачивая то вправо, то влево, дотошно выискивая след. Правда, без всякого успеха. Таким образом они двигались довольно долго, прежде чем добрались до широкого плоскогорья. Здесь паслись овцы.

Затвердевшая на морозе корка тут и там была пробита острыми копытцами, зернистый снег перемешан с землей и мелкой ледяной крошкой. В нем тонули, пригревшись на солнце, темные овечьи катыши. Кое-где подрагивали, пригибаясь под ветром, редкие, чахлые былинки, уцелевшие от нашествия многочисленных отар. На пастбище борзой, уже совсем, казалось, потерявший надежду отыскать след, сразу почуял присутствие незнакомого запаха. Запах был свежий, зверь, видно, только что здесь прошел. Лашын закружил на месте, приюхиваясь, и тут же напал на след. Обыкновенный собачий след, оставленный на снегу, взрыленном овечьими копытцами... Но запах... Нет, конечно же, это не заяц. И не лиса. Слишком крупный отпечаток. Это враг. Да, враг... Пес возбудился: недавняя злость, связанная с потерей зайца, вновь заклокотала в нем. От кончиков ушей до хвоста по телу Лашына пробежала резкая дрожь, на спине шерсть поднялась дыбом: немного постояв, как бы успокаивая себя, борзой тронулся вперед.

Враг — а Лашын, не зная, кто это, уже совершенно отчетливо чувствовал, что это враг, — бежал влогонку за отарой, которая разбрелась по пастбищу. Лашын трусил не торопясь, чтобы не потерять взятый след. Когда он поднялся на перевал, километрах в полутора показалась пестрая, из черных и белых пятен, рассыпанная по косогору отара. Здесь, на приволье, паслись овцы между темневшими кое-где кустами таволги и уже проступившими на снегу проталинами. И

было видно, как чабан, сидя на противоположном склоне, от скуки забавляется тем, что складывает из камешков курган. Конь его, со спутанными ногами, пощипывал внизу прошлогоднюю травку...

Неожиданно прямо перед собой Лашын заметил рослого серого пса. Порысит-порысит — и остановится позади какого-нибудь выступа или холмика. Будто хоронясь... Боевой дух взыграл в борзom, лай — пронзительный, яростный — рассек стылое безмолвие. Раза два или три подал голос Лашын — такого никогда не случалось — и кубарем покотился вниз по склону.

Где-то за спиной раздался подбадривающий крик хозяина.

Серый резко приостановился, едва почувствовал опасность, и тут же повернул в сторону высоких сопok. Его, вероятно, смутил не только человек, упорно скакавший следом, а и собака. Трудастая, крупная, — часто оглядываясь на нее, он невольно замедлял бег. Ему не удалось уйти далеко, пес настиг его за первым же перевалом.

Голос хозяина подхлестывал борзого, и Лашын, чуя, что противник его боится, нагнав серого, по старой привычке, как лису, вцепился зубами ему в пах. И хотел вскинуть в воздух и с силой шмякнуть о землю, но серый оказался куда тяжелее, чем Лашын предполагал. И тело у него было мощное, крепкое, он сразу дал понять Лашыну, что его не так-то просто подмять под себя: только зад у него дернулся, когда Лашын ухватил зубами волчье тело.

И в тот же миг острые клыки шелкнули у самого уха Лашына. Но серый не рассчитал, оборачиваясь, и чуть-чуть не дотянулся, чтобы вцепиться борзому в морду. Когда он вторично, с красными, налитыми кровью глазами, наскочил на пса, сверкнув оскалом длинных белых зубов, Лашын успел увернуться. Серый глотнул пустой воздух, но зато сумел высвободиться из железной пасти борзого.

Раздался крик, — это кричал скакавший на коне Казы. Серый, оставляя позади кровавый след, пустился бежать. Лашын кинулся за ним, взбешенный тем, что не сумел в схватке одолеть и подмять волка. Но что на сей раз противник попался не из слабых — это он уже понял. И понял, что лишь быстрота и увертливость помогли ему самому остаться невредимым. Однако страха у него не было, напротив, ожесточение придавало ему силу и смелость.

После того, как борзой чуть не до смерти закусал Бардасока, он стал охочим до драк. Не было от Лашына покоя собакам, которые сопровождали хозяев, приезжавших в аул с окрестных зимовок. Быстрый, ловкий, сноровистый, как и положено псу его породы, Лашын одерживал верх над сторожевыми собаками, не уступавшими ему в силе. Случалось и борзому отведать их клыков. Но из любой схватки в конечном счете он выходил победителем. А собака, хотя бы раз побывавшая его жертвой, больше никогда не рисковала заглядывать в аул.

Помня о прежних победах над косматыми сторожевыми псами, Лашын решил применить испытанный прием. Следовало, улучив момент, вцепиться волку чуть пониже уха или в глотку. Волк, почуяв, что бегством ему не спастись, уже не надеялся на свои ноги. Он видел, что единственный шанс уцелеть — это осилить противника в кровавом поединке. Угрюмым, беспощадным огнем горели его глаза.

Волк и собака, следя за малейшим движением друг друга, бежали почти рядом, почти соприкасаясь мордами и стараясь улучшить подходящий момент для нападения. Они порядком опередили Казы, который следовал за ними. Серый только того и дожидался: он внезапно прервал бег и стремительным скачком рванулся к Лашыну, по инерции продолжавшему двигаться вперед. И на этот раз увертливость спасла борзого — волк успел вцепиться ему в бок и вырвать кусок мяса меж ребер, но и только. Из раны хлестнула кровь...

Лашын, впрочем, не заметил этого в пылу схватки. Ему почудилось было, что бок опалило пламенем, но и это чувство тут же исчезло, растворясь в ярости, которая теперь бушевала в каждой его жилке.

И все же он пока не кидался на волка. Это волк, все с тем же угрюмым, беспощадным огнем в глазах, насккивал на пса, напряженно замершего, неподвижного. И ни звука не издавали ни тот, ни другой — не было слышно ни лая, ни рычания. Только учащенное дыханье вырывалось из волчьей пасти да зубы шелкали, хватая воздух.

Лашын выжидал. Ему достаточно было поймать волка на единственном неверном движении, чтобы сокрушающим броском закончить поединок. Все решала выдержка...

И он дождался своего. Волк, поверив, что он намного превосходит собаку в силе, утратил терпение и осторожность. Рывок...

Но Лашын ловко увернулся и в свою очередь кинулся на волка. Он целил в глотку. Но просчитался — вцепился в толстую волчью шею. Зато вцепился намертво. Зубы его глубоко вошли в волчье тело. Волк тоже попытался ухватить собаку за плечо, но зубы лишь содрали лоскут кожи, покрытый гладкой шерстью. Лашын продолжал все глубже вонзать клыки, намереваясь вывернуть волку шею и свалить зверя на землю. Однако тот не поддавался. И мускулистая шея была крепка, клыки словно вросли в нее и затвердели. Но Лашын чувствовал, долго волку в таком положении не продержаться, и яростно рычал, пытаясь плотнее сомкнуть челюсти. Только бы не дать вырваться... Вдруг позади раздался конский топот и зычный голос хозяина. Волк, упершийся в землю всеми четырьмя лапами, чуть ослаб, подался, и Лашын, ощутив новый прилив сил, в один миг свернул зверю шею. Волк упал, неуклюже задрыгав лапами в воздухе. И все-таки он еще не сдался, еще пробовал подняться, столкнуться с себя борзого, и комья снега, перемешанного с землей, летели из-под его лап.

Но в это время, бормоча себе под нос “бог в помощь” или что-то в этом роде, с лошади ско-

рее скатился, чем спрыгнул, Казы. Спотыкаясь и падая на бегу, он выхватил из-за голенища широкий охотничий нож и полоснул волка по брюху.

Пришлось вложить борзому в пасть конец рукоятки камчи, чтобы разжались сведенные намертво челюсти. На боку у Лашына была рана, довольно большая, но не опасная: на ребрах была содрана кожа, вырван клочок мяса...

Заживет. А раны на груди, на лопатках — так, простые царапины, затянутся через пять-шесть дней. Казы был рад, что удалось остановить кровь, сочившуюся из тела собаки.

И в самом деле, Лашын вскоре поправился. Правда, рана на боку, размером в ладонь, довольно долго гноилась, но наконец и она заросла рубцом...

Зато Казы, которого на охоте прохватило холодным ветром, слег в постель.

9

Стаял снег, в степи зазеленело, и небо, поголубев, словно раздвинулось вглубь и вширь. Семья Казы погрузила на скрипучую, высохшую арбу старую войлочную юрту, которая долго хранилась в сарае, и, пристроясь к цепочке верблюдов с такой же поклажей, направилась в сторону джайляу, на сенокос. Красная юрта перешла под начало жены Есенжола — картавой Айсулу. Казы это не огорчило. Чувствуя, что болезнь одолевает, он предпочел вести спокойную жизнь, не ере-

пениться попусту и пить свежий кумыс от собственной кобылицы.

Сенокосный аул — так называли пять-шесть юрт, где жили скотоводы, обязанные заготовить сено и корма для колхозных отар. А овцы, которых пасли они сами, на лето были розданы соседним отарам. Поэтому у каждой семьи осталось две-три собаки, временно лишенных привычного занятия. Многие из них были просто дворовые кобели, но встречались редкие полукровки. Некоторые оказались знакомцами Лашына, не раз получавшими от него взбучку, прочим — тем же порядком — познакомился о теперь.

Хозяева нередко вступались за покусанных собак, доходило до ссоры, но не до такого жестокого скандала, как тот, что случился зимой между Казы и Есенжолом.

Собаки — они и есть собаки, стоит ли из-за них оскорблять друг друга?.. После того, как все обосновались и пообвыклись на джайляу, однажды в густеющих вечерних сумерках на тарахтящей, быстроходной арбе, которая двигалась сама собой, в аул прикатили трое незнакомцев, на взгляд Лашына — чрезвычайно странно одетых, и, не задерживаясь долго, увезли с собой Казы. Лашын, впрочем, не придавал этому событию значения. Он был в расцвете сил, в поре зрелости, когда перед ним впервые приоткрылся неизведанный и влекущий мир чувств, о которых до того времени он не имел представления. И всему

причиной была сука — полукровка по кличке Ушар. С того времени, как она вошла в период течки, все аульные кобели бегали за нею по пятам.

Вот когда закипели кровавые сражения!.. Лашын зачастую оставался в одиночестве, и не так-то просто ему бывало устоять против целой своры разъяренных собак! Шерсть взлетала клочьями, иные, ростом с годовалого теленка, лохматые псы лишались уха, иные бежали с поля битвы, истекая кровью, но и сам Лашын потом подолгу слизывал глубокие раны. И все же, одолев соперников, он остался единоличным обладателем красавицы Ушар. Прочие собаки, поглядывая, как они развлекаются, только кружили в отдалении, не рискуя им помешать.

Но не успел борзой в полной мере насладиться торжеством, как вместе с другими аульными ребятами приехал на летние каникулы Адиль. И первое, что он сделал, это разогнал палкой остальных собак, взял за ошейник Лашына, привел к юрте и привязал к порогу на волосяной повод. Борзой хоть и радовался появлению маленького хозяина, но такой поступок не мог одобрить. Однако ни жалобное поскуливание, ни беспокойный лай не тронули Адилья. Он освободил пса только тогда, когда все собачьи страсти в ауле приутихли.

Адиль во многом изменился. Он, разумеется, за год подрос, отпустил на лоб челку, но главное — сделался не по возрасту серьезен. Говорил мало,

во всем старался походить на взрослого. Игры с аульными детьми его не привлекали.

В юрте было с десяток толстых и тонких книг, ими-то и занялся Адиль, каждой по очереди. С одной же и вовсе не расставался — читал и про себя, и вслух, с выражением. И когда слышался в юрте звонкий голос Адила, дверь широко распахивалась от легкого удара посоха и в юрту входил старый Омар, перебравшийся вместе с Казы на джайляу и здесь исполнявший обязанности точильщика кос.

Он располагался на торе, подвернув под себя по-турецки ноги, слушал мальчика и спрашивал:

— Про какого батыра ты читаешь — как его имя?

— Алпамыс.

— Умница, голубок... Одинокому, говорят, бог — опора. Он тоже у отца с матерью единственный был, как ты. В огне не горел, в воде не тонул, стрела его не брала и меч не рубил, в одиночку против многотысячного войска ходил, потому что храбрым батыром был, мужественным, страха не ведал. Нет уже батыров таких, перевелась... И силы такой нет в человеке. Зато знания есть, мудрые книги, — они дают человеку могущество, силу, крыльями награждают, львиное сердце дарят, зажигают звезду в груди. Учись, голубок. Улыбнется тебе судьба — станешь настоящим джигитом, достойным человеком. Готовься к этому дню и остерегайся прийти к нему ни с чем. Учись. Будешь хорошо учиться — добьешься всего, чего захочешь.

И оба молчат, задумавшись. Наконец Омар говорит:

— А теперь, Адильжан, уважь старика, читай дальше...

Так случается почти каждый день.

Иной раз Адиль, как и в прошлое лето, берет Лашына с собой и уходит с ним далеко от аула. Но уже не прыгает через встречные ямы и кусты, не размахивает ивовым прутом на бегу, крича во все горло, не вслушивается в эхо, возвращающее голос, отраженный сопками, не валяется, резвясь, в сочной траве. Увидит какую-нибудь сопку повыше — взберется на нее, усядется на камень и сидит, в молчании глядя на извилистую дорогу, проложенную по степи колесами тряских телег, исчезающую на горизонте; дует ровный ветерок, шевелит на лбу коротенькую челку.

В такие минуты Лашын блаженствует, пристроившись рядом с Адилем, на каком-нибудь замшелом камне, подставив, как и мальчуган, грудь дыханию степного ветра и грея спину на солнце.

В пору, когда начали вянуть кончики трав, однажды после обеда вместе с Беккали, выезжавшим в райцентр, в аул возвратился Казы. Адиль читал старому Омару свою книгу и как раз дошел до того места в поэме о Ер-Таргыне, когда батыр, искалеченный, брошенный своими сородичами, лежит в горах Булгыр... Заслышав голоса, мальчик выбежал из юрты. Отец, только что спешившись, обнял его, и Адиль заплакал, зарывшись лицом в отцовскую грудь.

Вечером весь аул собрался в четырехкрылой юрте Казы. И все были веселы, особенно старый Омар. Он с великим трудом сохранял степенность, которая приличествует умудренному жизнью аксакалу. Но едва входил в юрту новый гость, как он поворачивался к Казы и громко, так, чтобы все слышали, говорил:

— Правда гнется, да не ломится... Нет, не зря сказаны эти слова!.. Если ты цел и невредим вернулся домой, избавился от напасти, значит, есть справедливость на свете. Видно, услышал аллах Адиля и его мать. Возблагодарим же создателя, всемилостивого, всемогущего!— И Омар то закладывал за губу комочек зеленоватого насыбая, то снова его вынимал, вспоминая при этом давние лишения, которые выпали на долю народа, а также совсем еще недавнюю страшную войну, и опять благодарил бога за то, что все эти беды остались позади.

Ну, а сам Казы говорил мало, больше молчал. И только прижимал Адиля к груди, только гладил его по голове, ворошил отросшую за лето челочку на лбу. Иногда Казы начинал душить кашель, и тогда на него становилось больно смотреть... Он очень изменился внешне, осунулся, побледнел. И отпустил черные смоляные усы. Они шли ему, но, кажется, еще больше подчеркивали худобу лица.

Казы так и не удалось оправиться от болезни после возвращения. Когда аул, меняя стоянку, перебрался к Суыкбулаку — Студеному ручью, он коснулся щекой подушки, с которой уже не суж-

дено ему было подняться. Умер он посреди ночи. В те дни над Суыкбулаком лили дожди, работа в поле прекратилась, все взрослые мужчины были дома. Вблизи от стоянки, на которой расположился аул, на вершине пологого холма, что чуть ниже родника, вытекающего из ущелья, вырыли могилу глубиной в рост человека. Как положено обычаем, не мешкая долго справили жаназу¹ по покойному, а назавтра с рассветом предали мертвое тело земле. Не было человека, который бы не прослезился. У старого Омара дрожал и срывался голос, пока он читал заупокойную молитву. Только Адиль стоял безмолвный, бледный. Когда обернутое белым саваном тело опустили в могилу, глаза его увлажнились. Как подсказали ему старшие, он зачерпнул рукой горсть черной отсыревшей земли, кинул в могилу и, не дожидаясь конца похорон, ушел.

Когда хозяин, уснув с вечера в своей постели, утром так и не проснулся, это не очень встревожило Лашына. И когда его унесли и зарыли в землю, Лашын не почувствовал особого беспокойства. Мало ли непонятого в людской жизни? Хозяин проспится хорошенько и очнется, пробудится от сна, вернется домой. Ведь и раньше он, бывало, уезжал, но всегда возвращался. А на этот раз он и вовсе не ушел далеко. Лежит прямо за аулом. И не сегодня-завтра поднимется...

Однако чем чаще навещал борзой могильный холмик, тем тоскливей делалось у него на душе.

¹Ж а н а з а — молитва по умершему.

Что-то смутное начинало его тяготить. Что-то похожее на боязнь — а вдруг хозяин залежится надолго, вдруг будет пустовать без него дом, как это случилось летом, когда пропал он целых три месяца... Вспоминая то время, Лашын чувствовал себя одиноким, брошенным. И когда Омар, посадив на запряженную быком арбу пять или шесть ребятишек, отправлявшихся в школу, выехал из аула, борзой увязался за ними. Как ни пытался отогнать его Адиль, пес не отставал. И только тогда повернул назад, когда тот, соскочив с арбы, запустил в него камнем.

Лашын был обижен, и обижен без всякой вины... Это он чувствовал. А понять, что чувствовал Адиль, уезжавший на тряской арбе из аула, — это было ему, разумеется, недоступно.

10

Казы по-прежнему спал на вершине сопки. Спал не просыпаясь. Не пытаясь хотя бы разок заглянуть домой. Между тем листья пожухли, помрачнело небо, сенокосный аул рассеялся — люди разъехались по своим зимовкам. Камила с Лашыном тоже вернулись к себе на ферму. А Казы как лежал в земле, так и остался лежать поблизости от старого становища.

Пустота была в доме, в каждой из трех его комнатенок. Бежать без оглядки хотелось отсюда, от жутковатой этой пустоты.

Но и в степи было безрадостно. Зарядили дожди. Впрочем, и дождем-то это не назовешь. Так,

моросит и моросит с утра до вечера, ни на минуту не перестанет. Хоть бы ливень пролился, что ли, или в небе прояснело, а то сыплет мелкими капельками, всю даль сплошным туманом затянуло — ни то ни се. А прервется ненадолго дождь — задувает ветер, промозглый, пронизывающий до самых костей...

Холодно. Тоскливо.

Да к тому же и голодно, если правду сказать. Не наедается теперь Лашын досыта, как бывало. Порой Камила и вовсе забудет, существует на свете он или нет. Как-то раз, когда борзой, чтобы напомнить о себе, стал путаться у нее в ногах, она даже пнула его, чего прежде никогда не случилось. Пнула, прогнала от себя, словно какого-нибудь попрошайку... Что ж, Лашын больше не надоедал ей. Он укладывался, свернувшись, в углу, за печкой, и терпеливо ждал хозяина. Стоило отвориться двери, как тут же вскинется с лап его голова, но в дом входит чужой человек. Послышатся снаружи мужские голоса — Лашын вскочит, распахнет дверь толчком, вылетит во двор... Но не видно хозяина среди беседующих.

Терпел, но не мог притерпеться, привыкнуть к такой жизни Лашын. Единственной надеждой для него было, что все-таки вернется хозяин.

Как-то в сумерках вошел в дом Есенжол. Камила, давно уже не улыбочивая, хмурая, повеселе-ла. В казане булькало, варилось мясо. Есенжол, переступая порог, что-то сказал, смеясь, и, как ни в чем не бывало, расположился на торе. Камила торопливо накрыла стол и принялась вык-

ладывать баранину на блюдо. Есенжол вынул из-за пазухи бутылку с прозрачной водицей, поставил на скатерку. Когда он смеялся, его рябое личико сморщивалось, сжималось в горстку. Едва перед Есенжолом оказалось блюдо, исходящее сладким паром, как он первым делом накидал перед Лашыном целую грудю костей. Да каких — мозговых, с кусочками не срезанного ножом мяса! Впервые с тех пор, как вернулись они с джайляу, пес мог вдоволь насытиться. И злая давнишняя обида, жившая у Лашына в сердце, исчезла, улетучилась, он был благодарен гостю за его доброту. От вкусной еды, наполнившей пустой желудок, Лашын всем телом расслабился и, умиротворенный, довольный, начал подремывать. Веки его будто склеились, он заснул.

Неизвестно, сколько он проспал, перед тем как очнуться от странного стога. Лампа была не потушена. Стол не убран. Блюдо с остатками мяса по-прежнему стояло посреди стола, и рядом — опустевшая бутылка. Лашын снова начал погружаться в дремоту, но слышались те же звуки. Он понял — это голос Камилы. Стон доносился из соседней комнаты. Казалось, кто-то душит женщину, она задыхается...

Сон пропал в одно мгновение, и собака, прыгнув через стол, кинулась на помощь. При свете лампы, падавшем через открытую дверь, он увидел, что Есенжол подмял под себя Камилу на постели. Борзой устремился к нему, рванул одеяло. Вслед за тем острые клыки по самые десны ушли в голый жирный зад.

Отчаянный вопль разнесся по дому. Оба в страшной суматохе соскочили с постели. Но когда собака вновь ринулась на Есенжола, Камила, в чем мать родила, вместо того чтобы помочь, набросилась на самого Лашына. В руках у нее в тот момент ничего не было, а пес, рычащий, с налитыми кровью глазами, не думал отступать. Наконец Камила схватила палку Казы, обычно стоявшую в ногах у кровати, и выгнала борзого на улицу. Первый раз в жизни Лашыну пришлось заночевать во дворе, а не у себя в доме, под крышей в тепле...

С того дня совсем скверно жилось Лашыну. Миска его постоянно была пуста. Оставалось прибавляться отбросами на мусорной свалке, а иногда и голодать по два-три дня. Но в самые голодные дни не рыскал он, подобно Бардасоку, по дворам, не вынюхивал что-нибудь съедобное в вонючих помоях. Уж лучше промышлять мышами, чтобы не подохнуть с голоду. Однажды поблизости от аула ему посчастливилось даже поймать зайца.

Куда труднее оказалось переносить осеннюю непогоду. Борзой искал прибежища, зарываясь в солому, сложенную кучей за сараем. Но плохо согревала она пса, выросшего в четырех стенах. Особенно под утро, когда белела от инея трава и еще злее задувал пронизывающий ветер, борзой, не зная, куда деваться, дрожал всем телом. Ну, а в дождливые ночи ему приходилось и совсем туго. Лашын усаживался под стенкой сарая с подветренной стороны и так встречал рассвет. Не пыта-

ясь ни скулить, ни просить Камилу отворить дверь, зная, что все равно она не смягчится.

Один-единственный человек в ауле сочувственно относился к борзому. Старый Омар, заметив как-то, что пес ночует на улице, под открытым небом, пришел за Лашыном и увел к себе домой. И велел хорошенько покормить его. Надеялся Омар, что борзой переспит у него, но не тут-то было. Пес, похоже, только и дожидался, пока откроется дверь, чтобы вылететь опрометью на улицу. А затем вернуться на свое прежнее место, к сараю.

Не раз и не два Омар возобновлял свои попытки, но собака так и не прижилась у аксакала. Посет — и снова восвояси. Как можно — вдруг хозяин вернется?.. Лашын готов был теперь не отступаться от него ни на шаг. Бегать за ним повсюду, куда б тот ни направился. Только бы не потерять вновь... Но так и не появлялся хозяин. Случалось, иногда через день, иногда через два-три дня, после полуночи или в предрассветных потемках, кто-то осторожно постукивал в оконное стекло, и Камила открывала. В первый раз борзой, уверенный в том, что явившийся в столь неурочный час человек и есть его хозяин, тут же вскочил с места и побежал было к нему, но увидел всего-навсего проскальзывающего в дом Есенжола. Вскоре негромкое постукивание в оконце и ответный скрип двери стали для Лашына привычными. Он оставался у себя на сене и не двигался. Душа к Есенжолу у него никогда не лежала, но все же, чувствуя, что его вмеща-

тельство здесь неуместно, пес, незлобивый по природе, затаил свое недовольство глубоко внутри.

Однажды среди ночи хлопьями повалил снег. Ночь выдалась безветренная и была теплее обычного. Отощавший пес провел ее в полудреме, зарывшись в солому. И раскрыл глаза, лишь когда стих снегопад. Все вокруг было белым-бело. В очищенном, прозрачном воздухе удивительно четко проступали очертания холмов, как бы отступивших за ночь от аула в далекую даль. Борзой потянулся, расправляя занемевшее тело, и шумно встряхнулся. Потом, вдохнув полной грудью свежий, бодрящий воздух, прыгнул на месте раз, другой... Что-то давнее проснулось в нем, и смутно захотелось прижаться, приласкаться к кому-то... Он обежал двор. Кто-то заходил в дом и не сразу, а спустя некоторое время, вышел. Следы, которые вели к двери, успел припушить снег; те же, что тянулись со двора, отпечатались ясно, даже узоры на подошвах сапог были заметны. Это Есенжол. А от хозяина, видно, по-прежнему нет вестей...

Лашын постоял немного, взглядываясь в контуры отдаленной гряды сопок, затем неохотно, как бы против воли, медленным шагом двинулся из аула. На окраине задержался, опять постоял. И уже решительно, не оглядываясь, затрусил напрямиком в сторону Суыкбулака.

11

Поверхность выпавшего за ночь снега успели испещрить следы множества зверей. Здесь все как

на ладони. Кто пришел, когда, куда держит путь — Лашыну с первого взгляда понятно. Вот прорысила на трех лапках желтая ласка. Следы ее исчезают неподалеку, под кустом таволги, чтобы шагов через десять-пятнадцать снова обнаружиться на снегу... И в самом деле, они тут как тут. Теперь ласка повернула направо. Но Лашыну она ни к чему. Маленький зверек, какая ему цена?.. Ну, а тот след, что идет наперерез, — это хорек. Хоть и невелик, а силен и увертлив, и отчаянный — страсть! Любил его хозяин. Бывало, идут они по следу лисицы, а встретится хорек — непременно свернут за ним. Но сейчас Лашын торопится. Как-нибудь после, вместе с хозяином, будет случай сходить на хорька... Лисий след. Наверное, резво бежала, хвостом помахивала, пушистым, игривым... Тоже прошла стороной, и незачем ее преследовать. А это лисенок. Ну да бог с ним, пускай себе прыгает. И снова лиса. След свежий, недавно пробежала. По следу легко догадаться — самец. Эх, и стелется же сейчас где-то по снегу, сверкает на солнце рыжим огнистым языком... Где-то близко, один-два холма их разделяют. Жаль!

Но нет, не выдержала душа. И только пустился Лашын по следу, только взобрался на первый же гребень и взгляделся в даль, хоронясь за выступом, как увидел, что лисица и вправду бродит среди кустов караганника в низине.

Пес тут же устремился к ней, наискосок срезая пологий склон. И прежде чем лиса, застигнутая врасплох, услышала шорох и пустилась на-

утек, Лашын был от нее уже на расстоянии брошенного аркана. Он не дал ей далеко уйти и подмял под себя.

Но вот что странно. Не было у пса прежнего азарта. Зачем он погнался за лисой? Зачем поймал ее — для кого? Что за надобность была убивать огневостую? Он не знал. Неподвижная, вытянувшись во всю длину, лежала перед ним лисица. Капелька крови скатилась у нее из носа в снег. Борзой огляделся по сторонам — нет ли кого поблизости? Нет. Никого. Хотя что значит никого? А хозяин? Ведь он-то совсем рядом... Лашын, вспомнив, зачем покинул дом, даже не взглянул больше на свою добычу и помчался веселыми длинными скачками к Суыкбулаку. Ему была известна кратчайшая дорога. Оставалось обогнуть, двигаясь узкой ложиной, крутой отрог, заросший колючим шиповником и ушка-том.

Уже в ложине борзому почудилось, что кто-то со стороны следит за ним. Лашын обернулся назад, но никого не увидел. И не заметил ничего настораживающего, подозрительного. Не задерживаясь дальше, он побежал вперед. Но неприятное, тревожное ощущение возникло снова. Лашын передернулся всем телом, боязливо огляделся вокруг. Нет, ничего такого, что могло бы насторожить внимание... И все-таки словно таинственный обладатель какой-то непонятной, сверхъестественной силы все туже сжимал его в холодных, чудовищного размера тисках. Они охватывали Лашына со всех сторон — жестокие,

невидимые... Борзой ускорил бег. Уже и отрог, покрытый кустарником, позади, теперь надо подняться к седловинке между холмами, а там уже неподалеку лежит хозяин... И вдруг Лашын замер на месте, остолбенел от неожиданности. Прямо напротив, облокотясь на серый валун, кто-то стоял. Кто-то, расплывчатый, с пятном вместо лица, и контуры тела его были тоже размыты, неопределенны. Но это был Казы — на голове лисий тымак, на плечи наброшена хорьковая шуба. Кажется, смотрит на Лашына и улыбается. И зовет к себе — без единого слова или звука, но Лашыну все понятно... Радостный лай рванулся из собачьей пасти, борзой, одним скачком одолев пространство, прыгнул к хозяину. Но что-то лязгнуло. И Казы исчез. А то непонятное, сжимавшее Лашына со всех сторон чудовищными тисками, внезапно вонзило зубы в его переднюю правую лапу, в то место, откуда вырастает локтевая кость.

Кто-то из чабанов, задержавшихся до холодов на кузеу¹, наверное, поставил капкан на волка, да так и забыл о нем...

12

Лашыном овладело смятение. Он отчаянно вскинулся кверху — железные тиски не выпустили, не разжались. Он прыгнул еще раз — но только выдернул из-под снега чугунное зубчатое колесо, скрепленное с капканом длинной желез-

¹Кузеу — осеннее пастбище.

ной цепью. Тяжелый груз рванул его лапу к земле, и борзой, перекувырнувшись, грохнулся на прикрытые снегом камни. Локтевая кость хрустнула, переломилась. Кровь ударила в глаза Лашыну, он привстал и кинулся на капкан. Сероватая сталь, слегка порыжевшая от ржавчины, заскрежетала у него под зубами. Но собачьи клыки оказались бессильны, не им было разомкнуть железные челюсти... Борзой в исступлении кусал бесчувственный металл. Вскоре и капкан, и снег были залиты кровью. Тиски не разжимались — напротив, они сомкнулись как будто еще крепче. Выбившись из сил, борзой повалился на снег. И так лежал долго, ничего не слыша, не видя.

Наконец от открыл глаза. Прежние страх и мятение покинули его. Теперь он смотрел на капкан, вцепившийся намертво в его лапу, как на одно из опасных творений человеческих рук. Зспомнилось, что такой же капкан — только старый, поломанный — валялся и у них во дворе. Это взбодрило пса, внушило надежду.

Придя в себя, Лашын ощутил помимо боли ильнейший голод. Последние дни ему не передало ни кусочка. Он подумал о пойманной лисе. Хотя ни разу в жизни не отведывал лисьего мяса, пожалел сейчас, что не распотрошил свою добычу, не насытился ею. Случайно глаза его кользнули по пятнам крови, засохшим корочкой на снегу. Не только рядом с капканом, но и на расстоянии в два-три шага все вокруг было в крови. Тогда Лашын, приподнявшись, принялся лотать застывшую на морозе кровь. Спустя не-

сколько минут на снегу не осталось ни единого пятнышка.

Голод чуть приутих, притупился, и борзой почувствовал себя бодрее. Он понял, что самостоятельно из железных тисков ему не вырваться, вызволить его мог только хозяин. И вызволит, лишь бы до него добраться. Лишь бы добраться...

Зубчатое колесо, прикрепленное к капкану в качестве волока, оказалось невероятно тяжелым. Лашыну со страшным трудом давался каждый шаг. Сломанные кости терлись друг о друга и похрустывали. Все упростилось бы, возможно, если бы зажатая капканом стопа так и осталась бы в железных зубьях. Но она не хотела расставаться с телом и прочно держалась на крепких сухожилиях и мышцах. При каждом шаге, когда Лашын припадал на правую переднюю лапу, в глазах у борзого кружились красные и зеленые всполохи и тонули в сером тумане. Тем не менее вершок за вершком Лашын продвигался вперед. Тяжеловесный волок то цеплялся за камни, то застревал в кустах. В такие минуты Лашыну казалось, что он уже не стронется с места. Но, порядком помучась, он продолжал путь. Один раз волок защемило между стволами, его никак не удавалось высвободить. За время, которое ушло на тщетные попытки, в казане поспекает мясо... И все-таки борзой догадался оттянуть колесо назад, чтобы кое-как вытащить его и вырваться из чаши. Наученный опытом, он уже старался пробираться там, где не встречалось ни кустов, ни камней.

Но капкан становился с каждым шагом тяжелее. Каким ни казалось ровным место, по которому пес прокладывал себе дорогу, но под предательски гладким снежным покровом то и дело обнаруживались неожиданные препятствия. Еще сложнее было взобраться на вершину сопки, где лежал хозяин. Раньше борзой в несколько прыжков одолевал эту невысокую сопочку, но теперь она словно выросла, превратилась в крутую гору. Одно хорошо — раненая лапа застыла к этому времени, превратилась в ледышку. И, не причиняя боли, висела — чужая, безжизненная. Собрав остаток сил, борзой тащился вперед. Солнце клонилось к закату, когда наконец он добрался до заветного холмика...

13

Долго выл борзой. Выл с короткими паузами, с жалобным всхлипом. Так воеет аруана, потеряв своего верблюжонка, — с протяжным, надрывающим душу стоном. Эхом вторили ему окрестные сопки. Как было не выть, не рыдать Лашыну, когда ему открылась ужаснейшая из тайн... Человек, повелитель всего живого на земле, вдыхающий жизнь в бесчувственное железо и уподобляющий его то быстроному коню, то птице, взмывающей выше сокола; человек — всемогущий и всемилостивый — он тоже умирает! Вот почему столько дней и ночей лежит на вершине холма хозяин. И нет в целом мире никого, кто помог бы Лашыну, истекающему кровью, осла-

бывшему, доживающему последние часы... В борзой, оплакивал хозяина. Выл, сам уже чуя собственную близкую смерть. Выл, прощаясь с блым светом, с простором земным и небесным..

А наступила смерть еще скорее, чем думалось и не такая, как он ожидал. Голодная волчица тремя волчатами, кружившая долгое время возле зимовок, вдыхая запахи дыма, жилья и сытной пищи, заслышав тоскующий собачий вой, тут же помчалась на голос. Вой безошибочно привел ее к цели. Еще издали, выбрав укрытие, она поняла, что поблизости нет людей и что перед нею — одинокий, заплутавшийся в степи пес. Из опасения, как бы жертва, сама шедшая им в лапы, не причинила своим бегством излишних хлопот, все четверо, по безмолвному сговору, крадучись, ползком, окружили холм с четырех сторон и только после этого, с горящими огнем голодными глазами, обнажив в хищном оскале белые, длинные зубы, накинулись на борзого.

В тот день на долю Лашына выпало столько бед, и такая ужасная тайна, не оставлявшая надежд, открылась ему, и он уже так истомился от страданий и боли, что ничему не удивлялся и ничего не страшился. Собственное существование утратило для него всякий смысл. Но он был еще жив, а у жизни свои законы. И борзой не сдался, не подставил покорно голову судьбе в ожидании смертельного удара...

Первое нападение волков, посчитавших одинокого пса легкой добычей, окончилось безрезультатно. Только волчица сумела, изловчась,

рвануть Лашына за бедра. Клыки борзого, грозно клацая, с молниеносной быстротой мелькали в воздухе, не давая молодым хищникам даже коснуться его тела. Волки отступили, но тут же с удвоенной яростью устремились на свою жертву.

Он был один — их четверо. Он был скован в движениях капканом — им ничто не мешало атаковать пса, наращивая бешеный натиск. Чаши весов были неравны. Волчица, понаторевшая в жестоких схватках, уже не сомневалась, что напьетась вдоволь теплой крови, наестся свежего мяса. Осторожность покинула ее. Все смешалось, слилось в один яростно хрипящий, лязгающий ком, барахтающийся в облаке снежной пыли. Подмятый волками борзой был в самом низу. Но, упреждая мгновение, когда волки разорвут, растерзают его на части, неуловимым движением он успел вспороть волчице брюхо.

Свою мать, неистово кружившую на снегу, пытаясь ухватить себя за бок, дотянуться до брюха с вываливающимися кишками, молодые волки заметили только тогда, когда с борзым было покончено и кости наспех обглоданы. Пес оказался не в меру отошавшим, наспех желудки так и не насытились. Напротив, терзавший их голод лишь увеличился, аппетит раздражился. И, едва волки увидели кровь, хлеставшую из страшной раны, как немедленно набросились на волчицу.

Прошло совсем немного времени, и от волчицы, которая родила их, вскормила своим молоком, вырастила сильными и беспощадными, остались лишь кончик короткого хвоста и четыре затвердевшие, жесткие подошвы.

На вершине косо срезанной, похожей на тюбетейку сопки, стоящей над одним из глубоких оврагов, изрезавших предгорья Жауыртага, насыпан невысокий земляной холмик. Всякий раз, когда поблизости разбивает стоянку аул, кочующий по зеленому джайляу, аксакал, опираясь на крепкий сучковатый посох, ведет к этому холмику мальчика-подростка и, преклонив колени, читает гортанным голосом молитву. И оглаживает холмик ладонью, чтя память покойного. А в те дни, когда мальчику перепадает от матери, он приходит сюда и долго сидит в одиночестве, молча, вздрагивая иногда всем телом. Этот холмик — могила Казы, хотя бы и единственной ногой, но ступавшего по этой земле. А подросток — его сын Адиль.

Здесь, у самой могилы, пролилась кровь борзого пса по имени Лашын. Правда, об этом никто не знает. Все, что осталось от борзого, — это лисьи тымаки на головах у аульных мужчин. Но и они давно поизносились. Их сменили простые мерлушковые шапки, дешевые малахайи... Ведь последним в этих краях псом из чистопородных борзых был Лашын.

1969 г.

Серия «Библиотека казахской прозы»

Мухтар Магауин
ГИБЕЛЬ БОРЗОГО
рассказ
(на русском языке)

Редактор *Б. Ильясова*
Художник *В. Логинов*
Худ. редактор *Ш. Байкенова*
Техн. редактор *С. Бейсенова*

